СССР: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Д. ВАЛЕНТЕЙ
В. МУКОМЕЛЬ
Б. ВАСИЛЬЕВ
М. ГЕФТЕР
Е. ТОКАРЕВА
Н. РЕЙМЕРС
АРХИМАНДРИТ ПЛАТОН
Ю. ТАБАК
Н. ЖУРАВЛЕВА
Т. ГОВОРЕНКОВА
В. ТИХОНОВ
В. ХОРОС
В. МОИСЕЕНКО
В. ЧАЛИКОВА
А. КВАША
Л. ПОЧИВАЛОВ
М. БЕДНЫЙ
Ю. ПОЛЯКОВ
Е. ТОКАРЕВА
В. МЕДКОВ
А. АВДЕЕВ
О. ВОРОНИНА
И. КАЛИНЮК
А. МИЛОВИДОВ
В. КОСТАКОВ
Р. УБАЙДУЛЛАЕВА
А. АЛЕКСЕЕВ
В. ВЛАДИМИРОВ
В. БЕЗДЕНЕЖНЫХ
Е. ГОНТМАХЕР
В. МОИСЕЕВ
В. ШАРОВ
Т. ПУЛАТОВ
Ю. КРУМИНЬШ
Ш. КАДЫРОВ
Л. ГОЗМАН
Е. ИЛЛЕШ
А. МИГРАНЯН
И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА
А. НАЗИМОВА
В. ШЕЙНИС

ПЕРЕСТРОЙКА:
гласность
демократия
социализм

Точка зрения
Платим по счетам
Бремя современных проблем
Наш общий дом
Услышать будущего зов...

Москва
Прогресс
1990

ББК 60.7
С 76

0389021

Редактор А.И. Прокопенко

MAN

485867

С76 СССР: демографический диагноз /Сост. В.И. Мукомель. — М.: Прогресс, 1990. — 696 с.

Сборник продолжает традиции политической книги последних лет. Известные ученые — демографы, социологи и др. делают объективный анализ всех сторон демографического состояния страны (которого не было с начала 20-х годов), исследуют истоки проблем, лежащих в трагических годах гражданской войны, сталинском геноциде 20-х — 50-х годов, последствиях второй мировой войны, летаргии мертвящих 70-х — начала 80-х годов. Пришло время платить по счётам, искать выход.

$С\ \frac{0701000000-515}{006(01)-90}$ без объявл.

Редакция литературы по географии, экологии и народонаселению
Заведующий редакцией *О.Д. Катагощин*

© Издательство «Прогресс», 1990

ISBN 5—01—002569—8

Колир

Предисловие

С момента выхода первой книги серии ("Иного не дано...", «Прогресс», 1988) прошло много времени. Много событий, и среди них — трагичные. Не менее трагичным, чем события в Чернобыле (о которых мы узнаем все более) и в северных районах Армении, Тбилиси, нам видится и многое другое в нашей жизни. Ощущение такое, что снизу доверху программное положение — социализм строится во имя человека и ради человека — остается фразой.

Близкому человеку С. Есенин писал: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совсем не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены без славы и мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти покрытые уже плесенью мосты...»

Плесенью покрытые мосты... Очень близки эти слова ныне. Общество удручено состоянием многих важнейших социальных, культурных, духовных проблем современного бытия.

Быть может, самая сложная задача — реанимация личности, об умерщвлении которой говорил С. Есенин. Повсеместное становление человеческого достоинства: в социальной сфере и экономических отношениях, в частной жизни. Без этого возвращение из ссылки (остров Елены *без славы и мечтаний* — какой страшный образ!) невозможно.

Мы начинаем прозревать. Прозревая, продолжаем находиться в состоянии апатии. В чем ее корни? Как ее преодолеть?

Может быть, наша апатия и от неоправдавшихся надежд? От слов, которых много, и дел, которые не вяжутся со словами. Проблеск нового мы видим, пожалуй, и в этом акценте: новые надежды, связанные с реалиями перестройки, могут подточить состояние безразличия и неверия.

Мы — содружество оптимистов. В нашей стране это не так уж и просто. Намека не то, что экономика набирает обороты, пока,

численные кольца проверяющих вокруг создателя станка, аппаратуры, автомашин, то есть вокруг инженера-конструктора, техника, рабочего. Как мы прежде им не доверяли, так мы им не доверяем и сегодня. Если лет 10—15 назад появлялись статьи в газетах об «индивидуальном клейме», то сейчас подобных публикаций мы практически не видим. Тут я вспоминаю приказ Верховного Главнокомандующего №227, который не случайно у нас полностью не опубликован, может быть, за исключением какого-либо полузакрытого военного издания. [Этим приказом Сталин запрещал оставление позиций. За нарушение — расстрел. Приказ обеспечивался заградительными частями НКВД, стоявшими позади сражавшихся армейских частей. — *Прим. ред.*] А суть-то госприемки (80-х годов) и приказа №227 (1942 год) одна и та же: мы не верили и не верим человеку. Как считали, так и считаем: только двойной и тройной контроль может улучшить положение дел, заставить конструктора создать новый, отвечающий мировым стандартам станок, автомашину, а рабочего, техника, бригадира — реализовывать эти идеи. Недомыслие? Или уверенность, что качественно выполнить работу можно только из-под палки?

Говорят, Черчилль в своих мемуарах, то ли в иных публикациях говорил, что надо обладать большими данными, чтобы заставить Россию покупать зерно в других странах. Даже если этих слов Черчилль не говорил, то сама идея справедлива.

Самое парадоксальное, унижающее крестьянина заключается в том, что мы ему, так же как и рабочему, не доверяем и потому требуем переводить зерно в гигантские госэлеваторы, а не сохраняем в зернохранилищах колхозов и совхозов. Мы не доверяем крестьянину и скот, требуя его в установленные сроки перевозить на госбойню, в убойный пункт. Известно, что в процессе транспортировки скота, зерна, картофеля, овощей существенную часть произведенного мы теряем. По подсчетам академика ВАСХНИЛ А. Тихонова, на стол московской хозяйки попадает 27% завезенного в Москву на хранение картофеля и овощей. То, что мы теряем в процессе транспортировки и так называемого хранения, мы приобретаем в Америке и на других континентах за золото, добываемое на Дальнем Востоке, в Узбекистане. Выходит, мы в золотую оболочку одеваем нашу собственную безалаберность.

Мы говорим о мировых стандартах машин, автомобилей и т.д., а часто ли мы сравниваем условия жизни развитых стран с условиями жизни нашего рабочего и крестьянина? Они несравнимы. Будь то уровень жизни, будь то условия труда. Еще несколько лет назад, когда информация в стране была малодоступной многим, на совещании пропагандистов в Москве был задан вопрос: почему американские безработные не хотят ехать к нам, ведь у нас же нет безработицы?.. Не помню, что я ответил на него, во всяком случае, наверняка не говорил о пособиях по безработице и о том, что многие безработные в

США и Канаде не потому безработные, что там вообще нет никакой работы, а потому, что они выбирают себе ту работу, какая их устраивает. Смутное у нас представление о том, как живут люди в других странах. Не менее смутное представление на Западе о том, как живем мы. Во всяком случае, даже учитель гимназии в ГДР получает заработную плату больше, чем профессор МГУ.

Удручает, что мы экономим на охране здоровья людей, забываем о благих решениях, наконец, о целях развития социалистического общества, принципиальных положениях Программы КПСС, Конституции. Так называемый «остаточный принцип» развития социально-культурной и социально-бытовой сферы заставляет задуматься об истинном нашем отношении к социальном развитию.

Именно говоря о здравоохранении, целесообразно сказать и о нашем отношении к экологическим вопросам, когда в десятках городов экологическая обстановка катастрофична, когда мы экономим на оборудовании, препятствующем выбросу вредных веществ в воздух и в воду, будто законы природы писаны не для нас. Мы экономим на этом, но губим самого работника, его семью, пенсионеров, ч е л о в е к а.

Оборудование наших больниц и поликлиник не только в глубинных районах Средней Азии и Сибири, но и в крупных городах и промышленных центрах отстает от мирового уровня на десятки лет. Сложная аппаратура по диагностике приобретается в Японии и ФРГ. Мы даже не пытаемся сами создавать ее в достаточном количестве. В престижных больницах не только лекарства, но и бинты и вата зарубежного производства. Что касается лекарств и многого другого, что необходимо как здоровому, так и больному человеку, то читатель хорошо знает, насколько велик спрос на эти необходимые всем вещи и в какой мере этот спрос удовлетворяется.

Лекарства, закупаемые в Венгрии и Польше, обходятся, безусловно, дешевле, чем лекарства, производимые в Англии и во Франции. Но и здесь, как и несколькими страницами раньше, встает вопрос: кто виноват, что венгры и поляки не приобретают наши лекарства? Они же не знают, что мы их сами не приобретаем, а если и приобретаем, то только тогда, когда в аптеке нет венгерских и польских. Что о лекарствах! Качество даже контрацептивов — при том, что их катастрофически не хватает, — удручающе низко. Не идет ни в какое сравнение с тем, что производят в Индии.

Каждый раз, когда мы интересуемся, отчего такое положение, ссылаются на качество элементов, из которых состоят те или иные изделия медицинской промышленности, которые мы производим. О том, кто их производит — работнике, — ни слова. Завершая краткий разговор о здравоохранении, упомяну уровень подготовки медицинских кадров, врачей и фармакологов, а также и медсестер. Я не знаю страны, где бы наш диплом врача признавался, хотя, как вы знаете, студент в медицинском институте учится 6 лет. Да и возможно ли

это, если не только пациенты, но и сам Минздрав развращают врачей? Мы сознательно приуменьшаем детскую смертность за счет того, что мы признаем живорожденным лишь ребенка ростом 35 см и более и весом свыше 1000 г, «который после отделения от тела матери сделал самостоятельно хотя бы один вдох», тогда как ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) признает живорожденным ребенка весом свыше 500 граммов.

Начали новую кампанию внимания к здоровью ребенка и матери. Выделены, по нашим меркам, большие средства, приступили к строительству многих новых родильных домов, детских больниц и поликлиник. Министр здравоохранения побывал в ряде регионов страны, где выступал с докладами, беседовал с местными руководителями. Хочется надеяться, что на этот раз будут ощутимые сдвиги. Беспокоит, однако, другое: почему тов. Чазов считает, что сдвинуть с мертвой точки этот «воз» накапливаемых годами проблем органы здравоохранения смогут одни? Министр здравоохранения, открывший социальной гигиене дорогу в наши медицинские учебные заведения, был не только практиком, но и теоретиком медицины, ему-то хорошо были известны работы наших социал-гигиенистов 20-х годов. А кто ныне из организаторов здравоохранения знает работы киевлянина С.А. Томилина, других замечательных ученых-медиков, для которых социальная гигиена — наука о закономерностях развития общественного здоровья?

Общественное здоровье? Как вы его понимаете?

Общественное здоровье основывается на здоровье самого общества, его экономики. Очень уж это непривычно для нас — связывать состояние нашей экономики и здоровье населения, человека, в конечном итоге качество населения. А напрасно. По большому счету, имея в виду реальное положение дел в нашей экономике, мы с полным основанием говорим, что глубокий кризис в экономике не мог не сказаться на устрашающих масштабах младенческой и детской смертности, стабилизации, а в ряде регионов и сокращении продолжительности жизни, масштабах женского и мужского бесплодия, астрономических размерах абортов, исключительных потерях общества от производственных и бытовых травм. Все это явления о б щ е с т в е н н ы е, порожденные нашим безразличием к человеку, его здоровью, его судьбе.

Древние говорили: в здоровом теле женщины — здоровье народа, здоровье общества. Большое количество медико-биологических и клинических дисциплин исследует «организм здорового и больного индивида». В какой мере учитывается при этом пол «индивида», лучше сказать не мне, а специалистам в области социальной гигиены и организации здравоохранения. Кто-то из них должен ответить: кто из медиков определил, что наша женщина может в течение рабочего дня поднимать до 15 тонн тяжестей (в то время как в ФРГ — 500 килограммов)?

Здоровое тело женщины... Нашлись уважаемые у нас люди, которые считают никчемным делом проводить «конкурсы красоты». Не наше, мол, это дело. Человечество на протяжении всей своей истории восторгалось красотой тела — и женского и мужского. Чего мы стесняемся? Совершенных черт советской девушки — спортсменки-комсомолки? Неужто докатимся до бреда, что труд со страшным физическим перенапряжением, сопровождающимся не только подъемом неимоверных тяжестей, но и шумом, загазованностью помещений, вибрациями, превращающий девушку и женщину в бесполого индивида в «оранжевом жакете» — переносчиц шпал, рельсов, других неподъемных тяжестей, — это наша забота о женской красоте?

Всемирная организация здравоохранения в свое время определила здоровье чрезвычайно многосложно. В Демографическом энциклопедическом словаре читаем: «...цель ВОЗ — достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья», определяя здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней или физических дефектов». Представители СССР сыграли решающую роль, чтобы уровень здоровья определялся так полно. Они не повинны в том, что мы оказались позади экономически развитых стран по уровню физического состояния населения всех возрастных групп.

Что касается душевного благополучия, а точнее, неблагополучия, так ведь не одной семьей живет человек. Великое множество людей больше времени проводит не дома, а на работе. И кто скажет, где он находит душевное спокойствие в большей мере — дома или на работе? И мужчины и женщины. Юноши и девушки. А отроки? Все ли они торопятся из школы и техникума домой? Вспомните окружающих вас людей на работе. Какая их доля лучше себя чувствует среди сослуживцев, друзей по службе? Я, право, сужу по кругу, который десятилетиями меня окружает. Люди же одинокие, вдовые или разведенные идут домой лишь передохнуть перед завтрашним днем.

О повсеместном социальном благополучии говорить не приходится. Не отдельные люди и даже не группы населения — целые народности и народы чувствуют себя неуютно в окружающем мире.

Социальное благополучие — свидетельство здоровья общества, его экономических возможностей, общественных и межличностных отношений и выходит далеко за рамки возможностей здравоохранения. Стремление к социальному и духовному благополучию проходит красной нитью через историю общественной мысли, понимаемое в разных обществах по-разному. Впрочем, социальное благополучие по-разному воспринимается различными социальными группами, разными семьями, людьми и народами. (Подобно тому как все мы по-разному определяем, что такое счастье.) К тому же сегодня один критерий социального благополучия, завтра — другой.

убедили нас, что развитие ребенка начинается во чреве матери. Что же касается духовного развития. то оно начинается в семье. Развитие ребенка — забота в первую очередь родителей, но помощь врача, безусловно, необходима: специальной литературой, советами, которые помогли бы молодым родителям в этом сложном искусстве.

Неоценима роль сотрудника яслей, детского сада. Считаю, что мы готовим таких специалистов; каковы масштабы, мне неизвестно. Престиж их куда ниже, чем престиж учителей в школе. Его же уровень мы знаем.

Воспитатели в детском саду, по крайней мере в Москве, далеко не все имеют специальное педагогическое образование (каждый из моих внуков не один год провел в детском саду). Милые молодые женщины, бывает, идут в детский сад работать, имея ребенка детсадовского возраста. Ребенок в садике, да и мама рядом, оклад 80 рублей. И все-таки, представьте себе, отрадно было узнать, что в 1987 году из 21 тысячи педагогов, занятых в детских дошкольных учреждениях г. Москвы, 12,5 тысячи имели среднее специальное образование, из них специальное педагогическое образование — 8,7 тысячи человек.

Усталая мама или усталый отец заходит за ребенком в детский сад, приходит домой. Кому же отдыхать надо — ребенку или родителям? Госкомстат подсчитал, что наша работающая женщина в среднем может на «воспитание» уделить в день 17 минут. Что это за воспитание? Игра в шахматы или чтение сказки?! Или совместное сидение около телевизора? Каюсь, не читал я книжек о том, как надо воспитывать детей в раннем возрасте и позже. Наверняка такие есть — и не только переводные, — но грешен, не читал. Кроме, пожалуй, переведенного Спока. Ну, буду я изучать такую литературу, соглашаться с советами авторов, а когда реализовывать их советы? Ни у жены, ни у невесток не было времени. Вспомним 17 минут Госкомстата. У сыновей — ни времени, ни ярко выраженного желания.

Нас и наших детей в детстве и юности приучили к давно заведенному распорядку: труд и быт, труд и быт. Быт ради самодовлеющего труда. (Да, работ об образе жизни я в аспирантской молодости не встречал. Об образе своей жизни не задумывался. У меня диссертация была посвящена безработице в США и Англии — там уж я расписал «их» образ жизни, основываясь на доступных мне литературных источниках...)

Почти сто видов услуг могут получить работники Воронежского авиационного прозводственного объединения, не выходя за порог проходной, читаю в «Известиях». Все это преподносится как достижение, совершенствование системы нашего обслуживания населения. Не могу с этим согласиться. Опять замкнутый круг: труд и быт...

По сути дела, родители сдают ребенка в ясли, детсад на «временное сохранение». Детские дошкольные учреждения, где хорошо ли, плохо ли ухаживают за детьми, спасают наши семьи, позволяя нам

работать относительно спокойно, от материального краха, распада. Что бы мы делали без них?

Ребенок в яслях или детском саду, но семейный стиль жизни налагает отпечаток на ребенка — порядком или беспорядком в доме, отношением между старшими, крохами оказываемого внимания. Жилище, условия, в каких живут молодые родители, материальная обеспеченность, реальный источник дохода — все сказывается на атмосфере, в какой живет, чем дышит ребенок.

Чего же мы, общество можем ожидать от воспитания ребенка в семье? Самое никчемное занятие — дать категорический ответ. Убежден все же, что у талантливого художника не вырастет талантливый художник, у талантливого авиаконструктора — талантливый авиаконструктор и т.д. Но в хорошей, дружной и культурной семье скорее всего вырастет достаточно развитой и воспринимающий все новое, добрый ребенок. Тепло передается. Теплые отношения в доме не породят льдину. Естественная человеческая доброта зарождается в доме, черствость, алчность, жестокость, эгоизм, жадность, наконец, — тоже.

Маленький человечек, как справедливо говорят, подобен чистому листу бумаги. Но сколько людей — малых и старых, сколько обстоятельств, сколько, наконец, случайностей водят по этому чистому листу бумаги карандашом и ручкой, акварелью и маслом — не счесть всего этого.

Первый раз в первый класс... Чистый ли это лист бумаги? А шесть-семь лет жизни, а наследственность — неужто ничто не отразилось на первокласснике? Самое разумное существо на планете, как мы привыкли себя величать, вычеркивает из жизни своего ребенка целые 6—7 лет жизни и отдает в школу свое чадо, чтобы там научили его жизни, отношению друг к другу, старшим, друзьям своим меньшим, к самому себе. Наконец, к окружающей тебя природе.

Сама методика преподавания архаична донельзя. Заучить, а не осмысливать. Так учили учителя в педагогическом институте; теперь он все это повторяет в школе. В какой мере наша школа развивает ребенка, все то, что определяет его способность самостоятельно познавать новое и для него неведомое, с чем он столкнется в жизни? Могу судить о поступающих в Московский университет. Драмы, которые разыгрываются каждое лето, когда десятки абитуриентов, закончивших школу с медалью, сыплются на своем единственном экзамене «по профилю», говорят сами за себя; «проходят» так называемые хорошисты, ребята целеустремленные, которые сами (а не родители за них) выбирают вуз и специальность.

Повторяю многократно повторенное: школа, как и 50 лет назад, не учит ребят д у м а т ь. Может быть, сами того не сознавая, мы и ориентировали на это нашу школу? Многое говорит, что это весьма близко к истине.

страны, но и принципиально изменил соотношение сил в единолично правящей партии.

В РСДРП(б) в августе 1917-го состояло всего 200 000 членов. Руководящей и определяющей силой этого крохотного авангарда был тончайший слой профессиональных революционеров, закаленных в идейной борьбе, в тюрьмах и ссылках.

За время гражданской войны не менее половины кадровых рабочих было мобилизовано в армию, в продотряды, в части особого назначения. Оставшиеся гибли от голода и болезней, от казней и убийств без суда; многие покинули остановившиеся заводы, вернувшись в деревню. После гражданской войны в рабочий класс влилась новая масса, лишь по форме именуемая «рабочей», а по существу являвшаяся осколками люмпен-пролетариата и мелкой буржуазии. Весьма многозначительным представляется быстрый рост членов партии: 1917 г. — 200 000, 1922 г. — 514 800, 1925 г. — 798 804, 1928 г. — 1 304 471 чел. Если вспомнить, что на VII съезде (1919) присутствовало почти 50% делегатов со стажем не моложе 1907 года, на XV съезде (1927) таковых оказалось всего 17,5%, можно сделать вывод: через десять лет после Октябрьской революции социальный состав большевистской партии был размыт. Партия продолжала приобретать все более мелкобуржуазный характер, которому способствовали и перманентные «чистки», что и явилось одной из причин узурпации Сталиным единоличной власти. Мелкая буржуазия, не обладая внутренним единством, всегда предпочитает диктатора диктатуре класса, что весьма сближает сталинщину с гитлеризмом и режимом Мао Цзедуна. Пророчество Плеханова стало реальностью.

Давайте наконец, выплюнем набившую оскомину жвачку, что-де Сталин «строил социализм по-своему». Сталин употребил всю свою волю на сокрушение зачатков демократии и социализма, посеянных Лениным, преследуя единственную цель: безграничное единовластие. На этом цезаристском пути ему реально могли противоборствовать три активных противника, не уничтожив которых нечего было и мечтать о единовластии. Во-первых, крестьянство, которое не только являлось организованным (общины, ТОЗы, кооперация, коммуны и пр.) большинством населения, но и большинством экономически самостоятельным. Во-вторых, ленинская гвардия, наиболее передовые, образованные члены партии, вокруг которых консолидировалась сочувствующая власти старая интеллигенция. В-третьих, победоносная Красная Армия с целым созвездием воистину народных героев, которая не вмешивалась во внутренние дела в силу консервативной инерции, унаследованной от царской армии, всегда старавшейся избегать «политики». Самостоятельная экономика, самостоятельное мышление, подкрепленное идейным авторитетом, плюс военная сила с ее молодыми, неукротимыми и любимыми народом вождями — вот что необходимо было прибрать к рукам, предварительно сокрушив и дискредитировав в глазах всего населениях. Проанализировав и рассчитав, Сталин приступил к реализации собственной программы.

Началась она с неприкрытой государственной атаки народной культуры. Нравственная мощь этой культуры издревле опиралась на религию, но мне упорно кажется, что церковь была всего лишь прикрытием в этой войне. Что государство уже в тот период куда более стремилось к разобщению и сокрушению деревни, чем к сокрушению религиозности народа, иначе я не могу объяснить массированного физического вытаптывания народной веры, памяти, вековых традиций, обычаев и самой нравственности. Борьба с церковью широчайшим фронтом охватывала и города, но здесь потери носили больше культурный, нежели нравственный характер, поскольку здесь для народа Вера, Надежда, Любовь не отождествлялись с церковью. Взрывали здания, ансамбли, монастыри, разрывали могилы и склепы, разворовывали коллекции и целые музеи — в деревне сокрушили Храм. И дата этого варварского похода, к сожалению, известна...

«Ворота Лавры Преподобного затворятся и лампады загаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как Преподобный Сергий" — так писал Ключевский.

А в 1920 году была вскрыта рака Сергия Радонежского. 26 августа того же года был подписан циркуляр Наркомюста о ликвидации всяких мощей. Церкви — а это значит, прежде всего народной нравственности — была объявлена тотальная война. Годом позже начала выходить газета «Безбожник»: в 1925 году состоялся съезд Общества друзей газеты: в 1929 году организован Союз Воинствующих Безбожников. Прошу обратить внимание на дату: 1929 год. Начало физического уничтожения деревни потребовало консолидации всех сил, в том числе и Союзов, для подрыва ее нравственного фундамента.

Вот почему для меня коллективизация не есть лишь акт экономический или политический, а есть еще одна революция сверху. Однако низы не требовали ее (равно как и новая экономика), и эта революция обернулась произволом и второй гражданской войной, по своим последствиям нисколько не меньшей, нежели война предшествующая. Допускаю, что преувеличиваю, но коллективизация мне представляется формой, а не содержанием. Содержанием, глобальной задачей второй гражданской войны было уничтожение деревни как огромной общественной силы, превращение крестьянства в деклассированную массу бесправных холопов.

Почему партия большинством голосов санкционировала возврат методов военного коммунизма в период, который Ленин считал переходным, длительным и абсолютно необходимым? Почему был *вторично* прерван путь эволюционного развития экономики, культуры, новой нации, новой нравственности? Невозможно объяснить это ро-

изредка навещает своих детей в школе-интернате, был очень модным в начале века среди социал-демократок и широко распространился в первые пять лет советской власти. (Ввиду голода и разрухи.) Такой образ имеет свои теоретические корни, он сконструирован под действием определенных идей и взращен, как монстр, в рамках лаборатории. Но, выйдя из стен лаборатории, этот тип оказался достаточно приспособленным к дальнейшей жизни. Почему? Да потому, что он специально для нее и готовился. Этот тип определила Л. Кузнецова названием остроумной статьи «Третий пол?». Да, мы взрастили не предусмотренный природой третий пол. Он ничем не отличается от мужчины в плане работоспособности, неприхотливости, не требует ни духов, ни косметики, ни нарядов, ни особого отношения, не поддается под определения красоты и женственности, но изредка, в отличие от мужчин, рожает, чаще всего одного ребенка, которого содержит также в лабораторных условиях пятидневки и группы продленного дня. Этот тип честолюбив, за общественную нагрузку борется, ибо видит в ней средство самоутверждения, карьерного продвижения, за незначительное вознаграждение и прибавку к заработной плате готов забыть не только маму, папу и мужа, но и собственного ребенка. К кухне приближается, только неся в руках магазинные котлетки. Жизнеустойчив, спортивен, не чужд тяжелой атлетике и горнолыжному спорту, носит брюки, теряет менструации в возрасте тридцати лет за ненадобностью.

Итак, корни этого типа лежат в теории. Все дальнейшее развитие его было борьбой между теорией и практикой, другими словами, между природой и обществом, в котором мы живем. В свое время логика рассуждений привела Ф. Энгельса к следующему выводу:

«С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или небрачными. Благодаря этому отпадает беспокойство о «последствиях», которые в настоящее время составляют самый существенный момент — моральный и экономический, мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместо с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости?»

Я не знаю, читали ли книгу Ф. Энгельса те тысячи женщин, которые ежегодно оставляют своих беспомощных младенцев в роддомах и потому ли они оставляют этих младенцев, что рассчитывают на обещанное снисхождение общества, однако факт остается

фактом: наше общество не может дать этим детям то, что они получили бы в семье. И несмотря на радужные ожидания экономистов, видевших фундамент отношений полов только в экономике, общество, где уже нет экономической зависимости женщины от мужчины, все равно осуждает девушку, бросившую своего ребенка. «Предрассудки» общества в этом плане оказались гораздо глубже и прочнее, чем это предполагали экономисты. Они ошибались, по-видимому, считая экономические аспекты развития общества куда приоритетнее природных. Социал-демократы упорно переубеждали общество, что женщину в семье как хозяйку и воспитательницу детей может заменить кто угодно и ее место — в общественном производстве. Такие мнения имеют место и теперь. Нынче, однако, с этим мнением стали бороться, правда, пока на уровне советов: побольше рожайте — это полезно для здоровья, старайтесь побольше быть с ребенком — никто не может заменить ему мать... не расходитесь с мужем — ребенку нужна крепкая семья... А вот Клара Цеткин с утилитарной прямотой утверждала:

«Мать, действительно, «естественная воспитательница» ребенка в периоде кормления, в силу естественной связи, существующей между ней и дитятей, но не дальше... Но как только период кормления прошел, для здоровья и развития ребенка совершенно безразлично, ухаживает за ним мать или кто-либо другой». Далее она пишет: «Инстинкт материнской любви слеп и не может заменить, да и никогда не заменит, знаний и опыта. В лучшем случае он оградит ребенка от некоторых отрицательных влияний, но неспособен создать ничего положительного». [Цеткин К. Женщина и ее экономическое положение.]

Современная психиатрия, правда, утверждает, что дети, которых женщины, уверовавшие, что государство воспитывает их детей лучше, оставили в объятиях роддомов и детдомов, — эти дети плохо развиваются, агрессивны и не умеют улыбаться по причине отсутствия материнской любви и ласки. Хотя их воспитывают специалисты.

В первые годы советской власти партия много делала для того, чтобы сконструировать новую семью, отличную от старой, буржуазной и патриархальной. Крупные политики, как Е. Ярославский, Л. Троцкий, Н. Бухарин, не брезговали таким «малозначащим» вопросом — вам нынче дадут понять в любом центральном издании, — как семья. Вышеперечисленные товарищи выступали на тему семьи с тех же позиций, что и Ф. Энгельс и Клара Цеткин, все они смело глядели вперед, мечтая о коммунистической семье, освобожденной от всего, что мешает взаимному влечению мужчины и женщины. А мешает этому влечению все «наносное», по выражению Троцкого: «Стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить — хороший общественный ресторан. Обшивать — швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами,

которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязчивого, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устанавливается, наконец, подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением». [Коммунистическая мораль и семейные отношения. Л., 1926.]

Однако в жизни этим мечтам не пришлось исполниться. Уже в 22-м, 23-м годах, едва окончилась война, в молодом советском обществе стали наблюдаться все признаки быстрого возвращения к традициям буржуазной семьи. Забавно, что на эту тему написала пьесу, ныне, правда, никем не играемую, Александра Михайловна Коллонтай, первая защитница и проповедница новой коммунистической семьи, стоящей на позициях «свободной любви», то есть любви, свободной от пожизненных обязательств и чувства проклятого долга, на котором построена буржуазная семья, где муж — кормилец, а жена по закону должна до гроба следовать за ним. Ничего подобного не должно было, по планам строителей новой семьи, быть у нас. Александра Михайловна подробно развивала свои мысли в статьях вроде «Дорогу крылатому эросу!», в пьесе «Вася, или Любовь пчел трудовых», переносящей нас в 24-й год, рисуя образ Васи (это женское имя, которое специально имитирует мужское, ибо для Васи всего важнее не собственная женская природа, а общечеловеческие и коммунистические ценности). Образ Васи приходит в столкновение с ожившими буржуазными ценностями, персонифицированными в лице некой мадам, возлюбленной Васиного мужа. Оживают буржуазные ценности в лице самого Васиного мужа, директора фабрики, делового человека, носящего прозвище Американец, подбодренного НЭПом. Покуда муж воевал за советскую власть бок о бок с Васей, был оборван и голоден, как все, то ему вполне подходила в качестве товарища по окопу и безбытной жизни жена Вася. Но вот война кончилась, военный коммунизм — тоже, начался НЭП. Муж Васи получил в свое ведение фабрику, развернул бурную коммерческую деятельность, слегка разбогател, и... его неудержимо потянуло куда-то в сторону от Васи — к гродетуровым капотам, нежнейшим ручкам, шелковым чулочкам, пахнущей духами женской коже... А Вася в ее непременной вылинявшей гимнастерке, в стоптанных башмаках, которые Вася любила чисто принципиально, Вася, организовавшая коммуну и жившая в ней даже вопреки здравому смыслу, который диктует женщине жить подле мужа, — она оказалась чужой для переродившегося мужа. Мужа, как водится, пыталась воспитать партийная ячейка... Он пытался отравиться... Но вернуться к Васе был не в силах, даже после промывания желудка. Вот такая трагическая пьеса была написана Александрой Михайловной Коллонтай. Думается, что вывод, к которому она пришла в пьесе,

дался ей нелегко. Он означал поражение той борьбы за новую семью, которую упорно вели большевики. Как оказалось, семейные вопросы сделались серьезным камнем преткновения в процессе строительства нового общества. Новый человек довольно крепко держался за старые представления о «любви до гроба», сформулированные буржуазным обществом, раскритикованные Энгельсом, называвшим такую любовь крайним проявлением буржуазного индивидуализма, взамен которого новое общество предлагало до гроба любить коллектив. Идея любви-товарищества изложена довольно живо в статье «Дорогу крылатому эросу» не очень последовательной Александры Михайловны Коллонтай, которая в статьях уверенно предсказывала торжество такого товарищества, а в пьесе показывала совершенно другое. Это, видимо, была шутка, которую сыграл с нею ее собственный драматургический талант. Впрочем, пьеса была написана в соавторстве с неким Крашенинниковым, который мог оказать дурное влияние на А.М.

Вот еще шедевр публицистики 20-х годов:

«Товарищ Казимирчук, пролетарий достаточно решительный (справку можно получить у бандитов Славянского уезда), предлагает дать определенный срок каждому члену партии на перевоспитание своей семьи и затем провести проверку. Прав товарищ Казимирчук: партия имеет право заглянуть в семью каждого из нас и проводить там свою линию». [Коммунистическая мораль и семейные отношения, с. 46.]

К сожалению, такого рода высказывания случаются и ныне. Еще живы отголоски администрирования в «руководстве развитием семейно-брачных отношений». Известно, что семья подчиняется тем же экономическим законам, что и все общество. Если в обществе созданы благоприятные условия для развития семьи — все благополучно с жильем, с работой, с продуктами питания, детскими заведениями, медициной, — то и демографическая структура такого общества в порядке. Что касается семьи как заведения, охраняющего мораль общества, то, увы, такие методы, какие применялись для оздоровления семьи в двадцатых годах, и тогда не давали пользы, а уж теперь, когда люди уже привыкли, что личное — это личное, просто-таки будут вызывать раздражение.

Очень много формализма у нас в решении «женского вопроса». Имеется Комитет советских женщин — чисто внешняя, бюрократическая по сути организация, которая многие десятилетия занималась только тем, что представляла за рубежом в лучших традициях лакировки гармоничную и счастливую жизнь советской женщины. Внутренними же проблемами, которые сплелись в современный «женский вопрос», эта организация не занималась, как не занималась ими и никакая другая организация. Нет у нас живого, натурального движения в защиту нашего будущего —

женщин и детей. Нет выборности в организациях, которые провозгласили себя нашими защитниками. Увы, пока дело обстоит именно так.

Несомненные успехи советского периода в деле раскрепощения женщин не должны заслонять очевидные потери на этом отрезке пути. Поэтому вопрос: что же мы празднуем 8 марта и есть ли повод для празднества — останется открытым.

Н. Реймерс

Об экологии — и не только о ней

Грядет эпоха нового Возрождения. Рушится антропоцентризм. С треском разваливается волюнтаризм. Мысль завоевывает мир. Но ему, миру, лень напрягать мозги. Они скованы гиподинамией безмыслия.

Мы живем в мире закономерностей и ограничений. Но, как правило, не замечаем их. А вернее, не хотим признавать, что они существуют. Со школьной скамьи нам знакомы начала, правила и законы физики, аксиомы и теоремы математики. Правила рычагов первого и второго рода мы не только вызубриваем, но и познаем на практике.

Большинство физических законов сравнительно элементарны и легко воспроизводимы за короткий срок. Никто не пытается доказать, что электрическое правило левой руки следует заменить иным. Никто не «отменяет» физико-химический закон Бойля — Мариотта. Но уже принципы термодинамики, хотя и они в общей сложности элементарны по сравнению с закономерностями биологии, экологии, а тем более социальной жизни, подвергаются непрерывным атакам. Особенно второе начало термодинамики. Уж очень хочется его «обойти»...

Законы биологии мы игнорируем походя. Вовсе не желаем их знать. Экология долгое время была нам «не писана». О некоторых экономических законах мы и вовсе не хотели слышать. Это «у них» всякие там законы рынка. А у нас...

Любые ограничения вообще противны духу исканий. Ну как это так, что нельзя прожить жизнь наоборот — от старости к младенчеству? И появляются спекуляции о возможности омоложения. Не укрепления здоровья, а именно омоложения. Отсюда один шаг до отрицания правила необратимости эволюции Л. Долло. И мигом из дрозда — в кукушку и в нее же — из пеночки. Еще проще — из ели в сосну и из пшеницы — в рожь. Ведь этот бред на полном серьезе исповедовали лысенковцы в конце 40-х — начале 50-х годов нашего (двадцатого!) века. Даже та истина, что часть не может быть больше целого, до сих пор кое-кому претит.

В учебниках экологии и охраны природы можно прочитать, что есть-де неисчерпаемые природные ресурсы. [Когда-то по какому-то недоразумению во все учебники проникло деление природных ресурсов на исчерпаемые и неисчерпаемые. К последним относили космические, климатические и водные ресурсы. Деление это ошибочно. Мы уже достаточно убедились в региональной исчерпаемости водных богатств — взять хотя бы бассейн Арала. Антропогенное изменение климата — явный признак исчерпаемости и его ресурсов. А использование космических богатств ограничено теми энергиями, которые мы можем использовать на Земле или привлечь на нее, не меняя параметры биосферы — той среды, без которой человек жить не в состоянии. — *Прим. авт.*] Сколько ни используй, они не уменьшаются. Этакая чудесная бесконечность... на конечной по размерам Земле. Ресурсы-то не просто нечто внешнее по отношению к человечеству, а лишь то, что оно может использовать. В нашем лимитированном мире конечный предел ставит энергетика. Глобально человечество не может вовлечь для своих нужд более 1% той энергии, что приходит к поверхности Земли от Солнца. «Закон одного процента» уже лет 20 как сформулировали экологи, а недавно его математически доказали физики. Один процент — это грозный максимум-максиморум, за которым следует полный термодинамический разлад. Фактически использование энергии ограничено величиной на порядок меньшей — лимитом фотосинтетической активности глобальной растительности. Максимум 0,2% солнечной энергии — отпущенный человечеству лимит. Вот и извольте его учитывать. И в хозяйственном росте, и в демографическом развитии, и в межгосударственных отношениях. Больше отпущено не будет. Теория абсолютных пределов бытия, к сожалению, разработана слабо. Все нам кажется, что конечные величины мы легко превратим в бесконечные. Наивная вера утопистов! Даже религия куда как реалистичнее. Вечность Демону дана отнюдь не в награду...

С детства, с юности нас оглоушивали подушкой философии. И сейчас еще оглупляют, а не обучают. Она — философия в нашем обучении, заменяла примитивный закон божий, семинарское «докажи бытие божье, опровергни бытие божье, опровергни оное опровержение». Уже давно наши церковные друзья забыли эту чушь. А в философии оставался все тот же уровень понимания. За три года, что мне приходилось чуть ли не еженедельно принимать кандидатский экзамен по философии, лишь 1 (один!) экзаменовавшихся привел вразумительный пример категории диалектики из окружающей жизни. Он оказался преподавателем кафедры философии местного вуза... Не думаю, чтобы те сотни людей были какими-то особенно не такими. Знали — от зубов, что называется, отскакивало. Но оказывается, ничего не понимали. Ничегошеньки!

Их не учили думать. Только заучивать. Их не учили анализировать. Только критиковать: «буржуазная лженаука», «вредное лжеучение», «продажная девка империализма», «реакционное антинаучное учение» — какой «блестящий» арсенал ярлыков! При нужде их можно было бы поменять на прямо противоположные по смыслу. В «Философском словаре», если не ошибаюсь, 1954 или 1955 года было написано: «Кибернетика — буржуазная лженаука». В следующем издании, 1956 года, значилось: «Кибернетика — наука коммунизма». Просто и мило. И переверстывать книгу не надо. Никаких тебе раздумий. Пойди и выучи.

Некоторые стереотипы изжить не так-то просто. Они въелись глубоко и надежно, как морской червь в скалу. Надуманы были даже целые области знания со своими «законами». Яркий пример — политэкономия социализма. Часть этой дисциплины была построена на досужих вымыслах и шатких устоях преобладания желаемого над действительным. Курс политэкономии социализма мне как-то пришлось вести. Со стороны иной специализации, с позиций непрофессионала некоторые материалы учебников казались ужасающими по невразумительности. Да они таковыми и были. Слушатели задавали резонные вопросы, на которые приходилось давать стандартные ответы, построенные на сыпучем песке научного волюнтаризма. По рецептам начетничества. Скепсис был написан на лицах одних, слепое безразличие на лицах других. Запоминали ответы. Ведь не для жизни, а для зачета они «грызли гранит науки». Но попробуй кто-то в то время отойти от канонов! Пришьют с десяток ярлыков и окажешься во «врагах народа», «крикунах», «критиканах», «лжеученых». Ах, какие «милые» были прозвища! И если бы только они...

Впрочем, зачем все это писать в прошлом времени? Сталинизм и застой в умах, ой, как крепки! Вот покритиковал автор в «Науке и жизни» № 8 за 1988 год методы получения белково-витаминных концентратов (БВК). Сослался на законы биологии. Раз — и институт-разработчик — жалобу в ученый совет моего Центрального экономико-математического института АН СССР: разберитесь с нашим супостатом. А Минбиомедпром — так тот депешу прямо в ЦК КПСС. Все, кончено, современно, обтекаемо, а между строк: «К стенке автора, чего там мешкать! Враг биотехнологии, а потому и народа. Вредитель, подрывающий нашу экономику. Член антипартийного блока антибэвэкашников».

Взаимные обвинения никогда не приносят пользы. Но все же нужно, чтобы наша общественность знала, каким методом воспользовались сторонники массового применения кормового белка — БВК-паприна. [Белково-витаминные концентраты (БВК) выпускают в нашей стране в количестве более 1 млн.т. Их используют на корм скоту в качестве белковой добавки. Считается доказанным, что БВК очень эффективны и не приносят вреда ор-

гической установке той эпохи: отбить память о прошлом, считать его лишь предысторией к той истории, которая считалась начавшейся лишь с Октября.

Соответственным было и качество новой интеллигенции. Вот свидетельство современника, тогдашнего секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева на X съезде комсомола в 1936 году: «У нас не только малограмотные плохо читают и пишут, но, нечего греха таить, иногда этим страдают и студенты, и молодые специалисты, бывает, что даже и некоторые люди, претендующие на звание молодых ученых. Иные даже кичатся своей малограмотностью, считая, что пролетарию не обязательно знать грамматику... У нас развелось много людей, которые считают, что раз они «Поднятую целину» или «Как закалялась сталь» читали, значит, они могут получить патент на культурность». [«Советское студенчество». М., 1936, № 5, с. 5—6.] Ничего удивительного — молодые люди той поры шли по колеям, по которым их жестко направляли. Культурность, нравственные качества, высокий профессиональный уровень — все это не только не требовалось, но и было прямо противопоказано, грозило возможностью сбиться с ноги в общем строе. Зато идеологическая подкованность превращалась в универсальный заменитель интеллигентности.

К этому можно прибавить быстро наметившуюся тенденцию замораживания материальных доходов интеллигенции и даже их понижения по сравнению со сферой физического труда. Кроме того, имело место постоянное моральное ущемление интеллигенции как третьесортного элемента в обществе (после управленцев и рабочих), различного рода дискриминации (например, по приему в партию). Перед советским интеллигентом вставал выбор: или пробиться наверх, в руководящие кадры, махнув рукой на интеллектуальную деятельность, или вести жизнь умственного пролетария, готового к любым социальным заказам, «проработкам», унижениям, материальным лишениям.

Можно только удивляться, сколько же нашлось в советской интеллигентской среде энтузиастов, пошедших по второму пути. Сдавленные тисками административно-командной системы, попадая то в шарашки [Шарашками звали в народе различные заведения вроде НИИ, КБ, но за решеткой. В шарашках на базе тюрем и концлагерей работали, например, такие конструкторы, как Королев, Туполев, Поликарпов и многие другие. — *Прим. ред.*], то под огонь идеологических компаний, они тем не менее создавали крупнейшие научные достижения, конструировали образцы оружия, служившего нам в годы войны, писали честные книги. Но, к сожалению, общего неблагополучия и понижения качества интеллигентного труда эти усилия не могли изменить — застой постепенно парализовывал интеллектуальную сферу и, может быть, особенно явственно давал себя знать именно в ней.

* * *

Сейчас, кажется, никто не спорит, что судьбы перестройки во многом зависят от активности интеллигенции, от того, насколько будет задействован в процессе обновления общества его интеллектуальный потенциал. С формально-социологической точки зрения наш интеллектуальный потенциал просто гигантский — более четверти трудящегося населения страны занято в сфере умственного труда. [См.: Народное хозяйство в СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 9.] Но в массе своей профессиональная квалификация нашей интеллигенции невысока, гражданский дух и нравственный уровень оставляют желать лучшего. Нам остро не хватает «интеллиджентсии» — в том смысле, в каком сформировалось это понятие в отечественных культурных традициях.

Проблема в том, как восстановить традиции. Вживить их в ткань массового сознания, сделать работающими. Это задача громадной сложности. Культурные традиции не формируются постановлениями и резолюциями, их нельзя спланировать наподобие продовольственной программы. Но грандиозность и, я бы сказал, деликатность задачи еще не основание для того, чтобы не браться за нее.

Прежде всего преемственность между современной советской интеллигенцией и ее дореволюционными предшественниками нарушена отнюдь не полностью. Как ни тяжелы были эпохи сталинского террора и брежневского застоя для интеллигентной прослойки, они не смогли совсем выкорчевать или атрофировать ее. По каким-то капиллярам жизненные токи ума, честности, нравственности, благородства передавались из поколения в поколение и даже периодически усиливались. Мощный импульс в этом направлении был задан двадцатым съездом партии, как сейчас — двадцать седьмым. И сегодня мы имеем пусть не слишком многочисленную, но достаточно влиятельную группу людей и в хозяйстве, и в политике, и на ниве культуры, которых вполне можно назвать достойными преемниками отечественной интеллигенции.

Поэтому сейчас пришло время восстановить в научной литературе, печати и сфере пропаганды подлинный облик классической русской интеллигенции (включая ее поросль и в советский период), развернуть перед читателем и слушателем все богатство ее наследия. И делать это совсем не обязательно только апологетически. Наоборот, необходимо глубоко осознать внутреннюю драму интеллигенции, те негативные тенденции в деятельности части ее, которые оказались источником многих бед — социальный утопизм, сектантская нетерпимость, фанатизм и т.п. (что, кстати, опять начинает проступать в перестроечных публицистических распрях). Но лучшие (и главные!) традиции отечественной интеллигенции неоспоримы. Они столь же

строительстве — ниже запланированного уровня, более устойчивый заработок служили мощным фактором притяжения мигрантов в крупные города и новостройки.

Очередной социальный катаклизм — коллективизация. Ее «успехи» были столь головокружительны, что миллионы семей «кулаков и подкулачников», в большинстве своем мнимых, оказались за тысячи километров от своих очагов. Согласно Инструкции ЦИК и СНК СССР от 4.02.1930 года предписывалось «свыше 1 млн. кулацких семей подвергнуть выселению» — маловероятно ее невыполнение. А по свидетельству У. Черчилля, ссылавшегося на И. Сталина, в коллективизацию пострадало 10 млн. человек. По мнению академика В. Тихонова, в ходе коллективизации было ликвидировано около 3 млн. крестьянских хозяйств, то есть не менее 15 млн. душ осталось без крова. См.: «Литературная газета», 1988, № 31.

Наиболее сообразительные, распродав заранее имущество, бежали в город: по оценкам советских историков, в 1929—1930 годах свыше 200 тыс. подлежащих раскулачиванию семей или около 1 млн. человек нашли убежище в городах. [См.: Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969). М., 1970, с. 239.] Остальные были выселены — преимущественно в Сибирь, на Урал, на Север России.

Разрушение деревни, начатое коллективизацией, довершил массовый голод 30-х годов, ею порожденный. Оценки его масштабов разноречивы — от 3—4 до 6—7 млн. погибших от голода. По более поздней оценке самого Сталина, в стране голодало не менее 25—30 млн. человек. «Народ жить хочет, но ему нельзя», — говорит герой романа А. Платонова «Котлован», написанного в 1930 году.

Потенциально мобильная рабочая сила, существовавшая до этого в виде отходничества, выталкивалась из села под воздействием чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, создании колхозов. Сокращение производства сельскохозяйственной продукции и ухудшение положения сельского населения, голод усилили отток из села. Коллективизация и массовый голод разверзли клапан для массового бегства из деревни, приоткрытый ранее индустриализацией: если в 1929 году численность горожан возросла за счет переселенцев на 1,4 млн. человек, то в 1930 году — на 2,0 млн., а в 1931-м — на 4,1 млн. человек. Только в 1931 году численность городского населения выросла за счет мигрантов на 12%. Масштабы переселений были беспрецедентны: прибывшие в этом году в города составили 32% горожан, а выбывшие — 20%. [См.: Труд в СССР. Экономико-статистический справочник. М.-Л., 1932, с. 53.] Как не вспомнить слова Б. Пастернака, сказанные, правда, по иному поводу: «Все сместилось и перемешалось, старое и новое, церковь, деревня, город и народность. Это был несущийся водоворот между безусловностью оставленной и еще не достигнутой».

* * *

По признанию публициста, с прочтением замятинского «Мы» становится яснее, что мы строили, платоновского «Котлована» — как мы строили и «Собачьего сердца» Булгакова — кто строил. Итак, кто же строил?

За время Первой мировой войны, гражданской войны рабочий класс понес огромные потери: только к 1928 году численность рабочих промышленности достигла уровня 1913 года. К этому времени профессионально-квалификационный состав рабочего класса оставлял желать лучшего: не менее половины кадровых рабочих были отмобилизованы в годы гражданской войны в армию, продотряды, части особого назначения — не счесть погибших от пуль, голода и болезней, покинувших заводы и фабрики и вернувшихся в деревню (только Москва потеряла не менее миллиона жителей). На смену им пришла масса, «лишь по форме именовавшаяся "рабочей", а по существу являвшаяся осколками люмпен-пролетариата и мелкой буржуазии». [В а с и л ь е в Б. Люби Россию в непогоду...—«Известия», 1989, 17 января.]

Форсирование индустриализации страны еще более размывало костяк рабочего класса. За годы первой пятилетки народное хозяйство пополнилось 12,5 млн. новых рабочих и служащих. Лишь малую, незначительную часть составляли старые кадровые рабочие, возвращающиеся в города из деревень, куда они бежали во время голода. Преобладали же — 8,5 млн. человек — бывшие крестьяне. Переселяясь в города (а только в 1928—1934 годах численность горожан увеличилась на 15,1 млн. за счет бывших деревенских жителей), вчерашние крестьяне неохотно расставались с привычным, то есть сельским, образом жизни. «Можно несколько остановиться на этом новом типе рабочего, пришедшего из деревни, который рассматривает себя до известной степени как гостя, как временного жителя фабрик и заводов, — свидетельствует на XIV съезде столь авторитетный знаток вопроса, как председатель ВЦСПС Томский. — Под воскресенье, в субботу такой рабочий уезжает с заработком в свою деревню, к понедельнику он возвращается на работу...»

Зачастую этот рабочий еще и сохраняет землю в деревне: среди шахтерского пополнения в Донбассе в середине 20-х годов 24% имели землю, среди металлистов Московской области — 25%. [См.: Л а ц и с О. Перелом. — «Знамя», 1988, №6, с. 159—160.] Половина металлистов-«землевладельцев» не только сеяли на этой земле, но и содержали скот.

Нельзя не сказать и о феномене общественного сознания — «духе тридцатых годов». К тому времени подросла молодежь, вся сознательная жизнь которой пришлась на послереволюционный период. Для

век «как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства». Сокращены были также сроки 59,5 тыс. лиц, «осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве». Кроме того, была снята судимость и восстановлены в гражданских правах 500 человек по представленному ОГПУ списку. [См. там же, с. 12.] Характерно и то, что все 15 человек, награжденных орденом Трудового Красного Знамени (в основном инженерно-технический состав), имели в прошлом судимость, в том числе и за вредительство.

Молох Архипелага ГУЛАГ, набиравший силу, с каждым годом будет требовать все больше и больше жертв. Экономические и политические подоплеки существования Архипелага, сплетенные в тесный клубок (когда не поймешь, что главное в его существовании — то ли даровой труд, то ли уничтожение заключенных), в дальнейшем породят столь же грандиозные, сколь и бессмысленные проекты типа тоннеля под Татарским проливом или железной дороги Салехард—Игарка — почти полторы тысячи километров по вечной мерзлоте (не этот ли проект спустя десятилетия подвигнет Л. Брежнева на сооружение еще более грандиозного памятника эпохе — строительства БАМа, столь же «обоснованного»?). Тысячу раз прав С. Залыгин: «...гигантомания — это метод выживания социалистического общества в критические моменты его существования... Но если мы применяли этот метод из года в год, значит, наше общество и не выходило из критического состояния, будь то военный коммунизм, год великого перелома, тридцатые годы ударных строек, индустриализации и коллективизации, или послевоенный период восстановления народного хозяйства, или период застоя с его БАМами и с той же аральской эпопеей». [«Литературная газета», 1989, 8 февраля.]

Истины ради заметим, что Беломорканал имел своей предтечей Соловки, функционировавшие как лагерь особого назначения (СЛОН) с 1923 года. Однако с 1936 года СЛОН преобразился в СТОН (Соловецкая тюрьма особого назначения); в знаменитом соловецком лозунге «Железной рукой загоним человечество к счастью!» акцент был перенесен со «счастья» на «железную руку». Повсеместно воплощался в жизнь другой соловецкий лозунг: «Соловки — рабочим и крестьянам!» По оценкам, этим призывом были «охвачены» десятки миллионов человек.

* * *

Чрезмерная концентрация сил и ресурсов на развитии тяжелой промышленности в годы первых пятилеток неизбежно сказывалась на социальной политике, жизненном уровне населения. Особенно тяжелыми были жилищно-бытовые условия, поскольку строительство

жилья хронически отставало от роста основного производства, роста численности занятых. Обеспеченность жильем на строительстве Магнитогорского металлургического комбината составляла всего 2 м^2 на человека. Часть рабочих была вынужден жить в товарных вагонах, свыше 10 тыс. человек жили в палатках. [См.: «Вопросы труда», 1931, №10, с. 15.] И это при острой нехватке даже товаров первой необходимости, сверхурочной работе, практически без выходных. Своеобразной реакцией на эти обстоятельства было усиление идеологии аскетизма и уравнительности. Большинство рабочих сталинградского тракторного завода жили в бытовых коммунах, что соответствовало представлениям о равенстве, социальной справедливости и принципах коммунистического общежития. [См.: Люди сталинградского тракторного, с. 208—209.]

В критической ситуации оказались крупные города, социальная инфраструктура которых трещала по швам, не выдерживая притока мигрантов. (Только Москва в 1931 году увеличилась на 406 тыс. жителей. Всего, по более поздним оценкам, в годы первой пятилетки в Москву и города Московской области, а также в Ленинград и города Ленинградской области переселилось по 3,5 млн. человек, в Горький и города области — около 350 тыс. человек.) [См.: «Вопросы труда», 1927, №8, с. 36.]

Особую тревогу вызывал жилищный кризис. Уже в 1927 году обеспеченность в городах жилой площадью понизилась до 5,59 м^2, что было значительно меньше принятой санитарной нормы. К концу 1926 г. в перенаселенных квартирах проживало 60% городских жителей. [См.: «Статистическое обозрение», 1928, №7, с. 83.]

За приведенными цифрами нетрудно увидеть реальные проблемы 20-х годов. Вот как описывается мужское общежитие одной из текстильных фабрик Москвы: «Вчера был день получки... В палате взрослых, покачиваясь на шатком шкафчике, дребезжали бутылки, пахло спиртом, потом и солеными огурцами... Разноголосо вопили подвыпившие ткачи. Рядом, пытаясь уснуть, ворчали и ворочались соседи. В углу за занавеской плакал побитый мальчонка. Жалобно надрывался грудной младенец... На праздники понаехало из деревень и из других городов много баб к своим мужьям на побывку. И до этого в мужской палате постоянно проживало 4 семейства... 60 кроватей, а жильцов на них 90. Некоторые спят без матраца. Каждый постоянно на глазах восьми-десяти соседей, от которых не укрыться никакими занавесками... Раньше пытались одергивать людей, разлагающих и грязнящих общежитие, но решимость отдельных жильцов быстро иссякала, натолкнувшись на жесткий, давящий на всех жилищный кризис». [И л ь и н Я. Жители фабричного двора. — «Молодая гвардия», 1928, с. 22—23.]

А вот из статьи 60-летней давности: «При жилищной нужде обычно при выпивках присутствует и детвора, которая по некультурности

родителей, по своей ребячьей озорливости и любопытству тут же приучается тянуть горькую». [«Известия», 1929, 6 февраля.]

В тяжелых жилищных условиях жили не только мигранты. Перенаселенние городов и рост квартирной платы толкали отдельные рабочие семьи на сдачу коек, углов, что ухудшало их собственные жилищные условия.

Одна из особенностей жизни городов середины и конца 20-х годов — наличие бездомного населения. Существовавшие в 1928 году ночлежные дома в Москве с трудом пропускали до 7 тыс. человек в день, а за воротами ночлежек оставалось ежедневно несколько тысяч бездомных.

Огромный спрос на рабочую силу индустриальных отраслей изменил ситуацию на рынке труда, в результате чего к 1931 году в стране была ликвидирована безработица. Однако развитие народного хозяйства столкнулось с новыми затруднениями: во многих отраслях стало остро не хватать рабочей силы. Уже в начале 1930 года потребность на рабочую силу в Москве удовлетворялась на 40%, в Ленинграде — на 49%, в Ростове-на-Дону — на 38%. В сентябре 1930 года журнал «Вопросы труда» писал: «Сейчас уже нет почти ни одной отрасли народного хозяйства, которая, несмотря на бурный рост числа занятых рабочих, не испытывала бы острого недостатка в квалифицированных рабочих кадрах». [«Вопросы труда», 1930, №9, с. 3.]

Еще более обострился дефицит рабочей силы в 1931 году, когда началось строительство 518 новых крупных промышленных предприятий, в числе которых были Магнитогорский металлургический и Кузнецкий металлургический комбинаты, Днепрогэс, Челябинский тракторный и др.

Форсированная индустриализация, концентрация средств на строительстве ударных объектов при сохранении сезонного характера труда отходников обостряли проблему надежного обеспечения промышленности кадрами. В то же время существовало представление о возможности ее сравнительно легкого решения, основывавшееся на оценках резервов рабочей силы в сельском хозяйстве. По мнению ряда экономистов, эти резервы могли уже в ближайшее время резко возрасти в результате механизации. По некоторым расчетам, производительность труда в сельском хозяйстве к 1937 году по сравнению с 1930-м могла вырости в 10 раз. Предполагалось, что из сельского хозяйства будет высвобождено около 30 млн. человек трудоспособного населения. [См.: «Вопросы труда», 1931, №10, с. 47.] Очевидно, что столь смелые оценки создавали иллюзию неисчерпаемости трудовых ресурсов села, оправдывали политику выкачивания рабочей силы без учета каких-либо последствий для развития как деревни, так и города.

В реальной жизни обеспечение промышленности кадрами осложнялось продолжавшимся самотеком рабочей силы, несовершенством планирования потребности в рабочей силе, неувязками во взаимоотношениях колхозов и органов Народного Комиссариата труда. Неурегулированными остались взаимоотношения отходников с колхозами. К тому же рост потребности в рабочей силе обгонял возможности традиционных районов отходничества Центральной России. В других же районах крестьяне скептически относились к отходничеству. В одном из украинских колхозов колхозники заявили, что «они не рязанские лапотники, любят свою землю, свою хату, жен и галушки и в отходники не пойдут». [«Вопросы труда», 1931, №2, с. 25.]

В условиях административно-командной системы управления экономикой неизбежной стала замена вербовки отходников (означавший колебания их численности и состава) надежной формой обеспечения кадров. Такой формой с 1931 года стал организованный набор рабочей силы.

Выступая на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года, И.В. Сталин вопреки логике фактов утверждал, что после ликвидации безработицы в городах и преодоления массовой нищеты в деревне, в результате снабжения деревни десятками тысяч тракторов и сельхозмашин «...у нас не стало больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотека рабочей силы... Значит, от «политики самотека» надо перейти к политике организованного набора рабочей силы для промышленности. Для этого и существует лишь один путь — договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками». [Сталин И.В. Соч., т. 13. М., 1952, с. 53.]

Для усиления притока рабочих из сельского хозяйства в индустриальные отрасли в июне 1931 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об отходничестве». Этим постановлением для колхозников и единоличников, уходивших на работу в промышленность, строительство и на транспорт, был установлен ряд льгот. Например, отходники-колхозники полностью освобождались от всяких отчислений с заработка в общественные фонды колхозов, а после возвращения им в первую очередь предоставлялась работа в колхозах. Хозяйственные органы обеспечивали отходников жильем и продовольствием, им оплачивался проезд к месту работы и обратно, выдавались суточные. Поощрялись колхозы, которые заключали договоры о выделении рабочих-отходников или содействовали их вербовке: такие хозяйства получали право на преимущественное обеспечение сельскохозяйственными машинами, в них в первую очередь строились школы, детские сады, ясли.

Принятые меры способствовали ликвидации напряженного положения с рабочей силой в индустриальных отраслях, но они же стимулировали дальнейший приток населения в крупные города, где концентрировалась промышленность. В условиях чрезмерно быстрого роста крупных городов была поставлена проблема ограниче-

ним, что оболваненный идеологией герой антиутопии Евгения Замятина «Мы», оправдывая все отвратительное, противоестественное, всякий раз провозглашает: «Я не боюсь этого слова!» Сначала он не боится слова «шпион» (это раньше шпионство было горечью лебеды, сегодня это аромат ландыша, уверяет он себя), потом — «рабства», а там и «газового колокола», под которым задыхается его возлюбленная, «Не боимся!»

Название пьесы «Говори!» стало девизом перестройки. Тем более важно вслушаться: что и как говорится?

А. Кваша

Цена побед

Вся история нашей страны — непрерывная цепочка войн: борьбы с иноземными захватчиками, колониальных завоеваний, внутренних междоусобиц. Но поистине драматичными событиями насыщена первая половина нашего столетия, на протяжении которого народы нашей страны прошли тяжелые испытания первой мировой войны, гражданской войны, Великой Отечественной войны. А ведь пришлось пережить и голод начала 20-х годов, и голод 30-х — итог войны с собственным крестьянством, и тотальные сталинские репрессии...

Наш век породил иные представления об ужасах войны. По оценке известного советского демографа Б.Ц. Урланиса, Россия в войнах XVIII—XIX веков потеряла около 1,8 млн. военнослужащих [Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1960, с. 55—58, 340.] — меньше, чем за один 1941 год. «Безвозвратно канули в вечность те времена, — писал В.И. Ленин еще в 1905 г., — когда войны велись наемниками или представителями, полуоторванными от народа кастами. Войны теперь ведутся народами...» [Ленин В.И. Пол. собр. соч., т. 8, с. 34.] Но у воюющих народов иной масштаб потерь и бедствий... Весь трагизм войн нашего века в том, что в них гибли не только и не столько солдаты и офицеры, сколько мирное, гражданское население.

Наиболее известны и остроощущаемы так называемые прямые потери: погибшие на поле боя или умершие в госпиталях (то есть от воздействия оружия разного вида).

Наряду с прямыми потерями выделяют косвенные потери. Дело в том, что в годы войны даже вне зоны боевых действий из-за ухудшения условий жизни растет «мирная» смертность, призыв большого числа мужчин в вооруженные силы разрушает семейные связи, а новые семьи не создаются. В результате рождаемость и естественный прирост резко снижаются. Этот «недобор» населения — тоже последствие войны; конечно, его существование зависит от конкретных социальных условий. Так, например, в годы второй мировой войны в Великобритании значительная часть вооруженных сил страны с 1940-го по лето 1944 г. базировалась в метропо-

лии, и рождаемость в стране не только не снизилась, а стала даже выше уровня в годы экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов.

У войны есть и еще одна группа последствий, трудно улавливаемая количественно и не всегда явно ощутимая. Начнем с того, что гибель мужчин на войне ведет к распаду семей, появляются многочисленные вдовы (трагедии жизни наших солдаток — а их были миллионы — тоже тяжкое наследие войны). Но и новые семьи создать трудно — ведь многие мужчины погибли в боях. Особенно большие потери в Отечественной войне понесла молодежь 1920—1926 годов рождения, а это значит, что их потенциальные невесты — большей частью женщины 1923—1929 годов рождения — в большинстве своем так и не смогли создать семью. (Так, в 1939 г. на 100 женщин 1924—1928 годов рождения приходилось 70 мужчин на 5 лет старше, а в 1959 г. — только 43.)

И это не все. Война калечит людей, здоровье ее активных участников ослаблено, отсюда — высокая смертность среди них. Но не блещут здоровьем не только участники войны. Детство родившихся в войну и первые послевоенные годы прошло в трудностях и лишениях. И у них, и у их детей (вторичная волна) здоровье тоже ослаблено.

Но вернемся к демографическим издержкам нашей истории. За годы первой мировой войны в русскую армию было призвано 15,8 млн. мужчин, из которых погибло или умерло от ран 1,8 млн. человек. По окончании войны домой вернулось только 3,2 млн. из 3,4 млн. русских военнослужащих, попавших в плен. За годы 1 мировой войны «дефицит» браков оценивается в 1,3 млн., а «недород» (т.е. уменьшение числа рождений) только за 1915—1917 гг. — 4,9 млн. человек. [Бинштok В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. М., 1929, с. 55.]

В годы гражданской войны (1918—1922 гг.) погибло в боях и умерло от ран и болезней 1,2 млн. бойцов и командиров Красной Армии. Потери белых армий, включая разного рода бандформирования, оцениваются примерно в 1,3 млн. человек. (Не будем забывать, что гражданская война не имела, по сути, линии фронта — он был везде. В тылу Красной Армии действовали сотни банд — от мелких по 10—20 человек до многотысячных отрядов.)

Но подлинным бичом населения в эти годы были эпидемии. Сегодня для большинства из нас названия таких болезней, как сыпной тиф или холера, лишь пустой звук, но в те годы они унести миллионы жизней. Только в 1921 г. было зарегистрировано 207 тыс. случаев холеры, сыпным тифом в 1918—1923 гг. переболело до 30 млн., возвратным — до 10 млн. человек.

Многие искали спасение от ужасов гражданской войны и нового строя в эмиграции. Страну покинуло к концу гражданской войны до 2 млн. человек, из которых в 20-х годах возвратилось 180 тыс. человек,

в основном крестьян и казаков. [Гражданская война и военная интервенция в СССР.—«Энциклопедия». М., 1983, с. 670.]

Общая же величина прямых и косвенных потерь населения за годы первой мировой и гражданской войн оценивается более чем в 25 млн. человек.

В начале 20-х годов на нашу страну обрушился неурожай, следствием катастрофы стал голод. В 1922 г. неурожай поразил районы, где проживало 35 млн. человек, в немедленной продовольственной помощи нуждалось 22—23 млн. человек. В эти годы не было налаженного учета населения, миллионы людей были в движении, и оценить потери населения от голода и эпидемий очень трудно. По оценкам известного советского историка Ю.А. Полякова, к маю 1922 г. от голода и болезней погибло около 1 млн. человек, 2 млн. детей остались сиротами.

Для борьбы с голодом привлекалась широкая общественность, работало общество «Помгол» (помощь голодающим). Активную помощь оказала международная общественность — вспомним благородную деятельность Ф. Нансена, ряда рабочих организаций. Страна не жалела валюты, золота, даже пошла на продажу ценностей для покупки хлеба: только в 1922 г. было закуплено и ввезено из-за рубежа 166 млн. пудов зерна. Борьба с голодом была всенародным делом, и он был побежден в обстановке гласности.

Другая, более страшная трагедия ожидала наш народ в начале 30-х годов. В период коллективизации в стране вновь разразился голод, о котором не сообщали, как в 20-х годах. Более того, хлеб не только не ввозился в страну, а наоборот, вывозился в возрастающих размерах: в 1928 г. было продано за границу 99 тыс. тонн хлеба, а в 1931 г. — 5180 тыс. тонн. [Индустриализация СССР (1919—1932 гг.) Документы и материалы. М., 1970, с. 104.] Недоедали, а вывозили. Это тем более странно, что доходы от вывоза леса, льна, пушнины были намного выше, чем от вывоза хлеба.

Первопричиной голода была сталинская стратегия коллективизации, приведшая к разорению многих крестьянских хозяйств, миллионы крестьян, как правило самых работоспособных и активных, были выселены в отдаленные районы. [Миллионы людей выгружались в голой степи, на пароходах и плотах завозились по сибирским рекам в северную тайгу и тундру. Здесь, без запасов продовольствия и теплой одежды, в наспех построенных землянках и избушках, люди боролись за жизнь. Большинство умерло от голода и холода в первую же зиму (морозы до 40 и 50°.) — *Прим. ред.*.]

Во что же обошелся стране, народу этот эксперимент? Ответить на данный вопрос вряд ли возможно сколь-либо точно. И система учета населения была нарушена, и не было заинтересованных в такого рода учете — ведь голод был «секретным». Пришлось вновь вводить нормированное снабжение в городах, просуществовавшее до конца

1934 г. Накануне отмены карточек нормированным снабжением было охвачено 40,3 млн. человек (для сравнения: к концу Великой Отечественной войны — 76,9 млн.).

В нашей печати по сей день нет ни одной достоверной оценки числа умерших от голода в начале 30-х годов. Объективные зарубежные демографы (Б. Андерсон и Р. Сильвер) оценивают их численность от 2 до 3 миллионов человек, советский историк Р. Медведев — 6 миллионов. [«Вопросы истории», 1988, №3, с. 120; «Московские новости», №48, 27.11.1988, с. 8.] Но это только прямые жертвы, а сколько судеб было искалечено, какой ущерб был нанесен сельскому хозяйству...

Тяжело говорить от репрессиях 30-х годов, но важно знать, сколько же людей погибло от сталинского террора. Не только по приговору военных коллегий и пресловутых «троек» и особых совещаний — люди гибли в основном не от пули, а от голода, тяжелейших условий труда и болезней в многочисленных лагерях. Гибли и в 1930-х годах, и в годы войны, и в первые послевоенные годы, когда держали их там «впредь до особого распоряжения». Кто ответит на вопрос, сколько погибло, сколько пострадало? К сожалению, сколько-нибудь достоверных оценок этих трагических событий, пока не будут открыты различные архивы, нет. Да и архивы вряд ли содержат точные сведения, ведь они не отвечали интересам многих «деятелей» того времени, не заинтересованных в сохранности таких архивов, зачастую их просто не вели. [Приблизительная цифра погибших от голода и репрессий с 1928 по 1953 год превышает 40 млн. чел. — *Прим. ред.*]

Сегодня возможно оценить масштаб этих потерь: опираясь на достоверные данные учета населения и его переписи, подсчитать, какова была бы численность населения без такого рода потерь — репрессий и голода, — тогда разница между теоретической и фактической численностью дала бы оценку потерь. Для нашей страны можно было бы сравнить эти данные в интервале от переписи 1926 г. до, скажем, переписи 1937 года или 1939 года.

Но все дело в том, что достоверных данных о численности рождений и смертей в 30-е годы просто нет: итоги переписи 1937 г. не устроили Сталина, они дали численность населения намного меньшую (примерно на 8 миллионов), чем была уже объявлена. [Численность населения в 1937 году (162—163 млн.) оказалась примерно на 15 млн. чел. меньше, чем в России в 1914 году. Даже в сопоставимых границах (без польских, западных украинских и белорусских земель и Финляндии) — на несколько миллионов меньше, чем в 1917 году. А ведь прошло 20 лет. До революции (1890-е—1910-е годы) ежегодный прирост населения превышал 3 млн. — *Прим. ред.*] Руководители переписи были репрессированы как враги народа, а материалы переписи уничтожены. Много споров и вокруг достоверности данных переписи 1939 года. Словом, фактически и этот путь оценки потерь населения во многом блокирован. Будем надеяться, что откроются

архивы, и мы, наконец, сможем более полно сказать о наших потерях в эти годы.

Сейчас в литературе, особенно художественной, фигурирует множество оценок этих потерь. Диапазон их велик — от 9 до 30 и более миллионов, но достоверность их весьма относительна.

Предвестником большой войны стали известные события в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, где советско-монгольские потери составили более 18 тыс. убитыми и ранеными. [«Военный энциклопедический словарь». М., 1983.] Но они не идут в сравнение с советско-финской войной 1939—1940 гг., последствия которой — и военные, и политические, и психологические — были во многом катастрофичны. Истинные масштабы потерь в ней неизвестны, но ясно, что счет шел на сотни тысяч. [По опубликованным советским данным, около 300 тыс. убитыми и ранеными, в т.ч. около 100 тыс. убитыми и пропавшими без вести. — *Прим. ред.*]

Великая Отечественная война — наша гордость, слава и наша боль. К белым пятнам в ее истории относится и «цена победы» в эти годы. Она трагично высока — не в последнюю очередь и оттого, что мы не были готовы к войне. Репрессии 30-х годов. [Добавим, и 20-х годов. — *Прим. ред.*], подрывавшие интеллектуальный и хозяйственный потенциал страны, огненным смерчем прошли и по командному, причем не только высшему, составу армии и флота. Машина была запущена: страшно сказать, в конце октября 1941 года, когда немецкие танки стояли у стен Москвы, в Куйбышеве и Саратове продолжались расстрелы героев Хасана и Халхин-Гола, испанской войны. [Было уничтожено 40 тыс. офицеров, в т.ч. 80—90% от командира полка и выше. Например, из 456 имевшихся комполка — 401, из 184 комдивов — 154, из 57 комкоров — 50. — *Прим. ред.*.]

Армия и флот были обезглавлены. Как знать, сколько жертв можно было бы избежать, минуй их чаша сия, как развивались бы события на фронтах, не встреть война в лагерях и тюрьмах крупнейшие специалисты по военной технике (авиаконструкторы Туполев и Петляков, Поликарпов и Архангельский, Бартини, ракетчик Королев — малая толика тех, кто был лишен насильственно возможности работать на оборону в нормальных условиях).

Война нанесла тяжелые раны нашей стране. Общий экономический ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам уничтожением или разграблением имущества, определяется (в ценах 1941 г.) в 679 миллиардов рублей. Было сожжено 1710 городов и поселков и более 70 тыс. деревень и сел, лишены крова 25 млн. человек.

Но самые тяжелые жертвы — это людские потери. Еще в феврале 1946 г. И.В. Сталин назвал цифру наших общих потерь (военнослужащих и гражданского населения) — «около 7 млн. человек», что явно заниженная оценка. [«Большевик», 1946, №5, с. 3.] В 1961 г.

Н.С. Хрущев в письме тогдашнему премьер-министру Швеции Таге Эрландеру писал: «В годы войны мы потеряли более 20 млн. жизней», причем именно **более 20 миллионов.** Позже, в 1965 г. на пресс-конференции в связи с 20-летием Победы маршал Советского Союза И.С. Конев отметил, что «половина этих потерь приходится на военнослужащих, а другая половина — 10 млн. человек — на гражданское население. [«Международная жизнь», 1961, №12, с. 8; «Советская Россия», 30.4.1965.] Десятилетиями публикации о величине наших прямых потерь в основном касались жертв гражданского населения. И это до недавнего времени. Более того, в истории Великой Отечественной войны почти ничего не говорится о наших потерях в различных операциях войны, но зато доказывается, что если в 1941 г. под Киевом и попала в плен часть наших военнослужащих, то их было не так уж много...

Сейчас много пишут и спорят о том, были ли обоснованны жертвы в боях, в том или ином сражении, и можно ли было добиться победы малой кровью. Такие споры всегда были и будут, их ведут и историки, и участники войн. (Вспомним хотя бы очень острый спор между такими выдающимися полководцами, как Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и В.И. Чуйков, о том, можно ли было взять Берлин, так сказать, «с ходу» в феврале 1945 года, а не спустя еще 2 месяца.) Дело военных историков—оценить весомость аргументов участников спора, но одно ясно — оценивать ситуацию надо, учитывая всю сложность и противоречивость обстановки, в которых принимались те или иные решения. Иначе — «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». То, что с позиций солдата, взводного, ротного может казаться непонятным и даже жестоким, с высокой колокольни представляется единственно возможным решением.

Ясно одно — наибольшие потери понесли наши Вооруженные Силы именно в 1941 и 1942 гг. Только в 1941 году попало в плен — по некоторым данным — до 3,9 млн. военнослужащих. Из них к февралю 1942 г. в живых осталось лишь 1,1 млн. [«Известия», 21.06.88, с. 3.] Цифры эти, конечно, нуждаются в уточнении, но то, что основные наши потери пленными приходились на 1941 г., — вне сомнения. (Ну а сколько наших людей попало в плен, какова их дальнейшая судьба? У нас опубликовано лишь число погибших в плену — 3,9 млн. человек, но ведь какая-то их часть была освобождена Красной Армией и вновь стала сражаться, какая-то часть ушла к партизанам. Наконец, кто-то остался на Западе. Словом, общая численность наших пленных, видимо, превышала 5 млн. и составляет, по различным оценкам, до 5,7 млн. человек.)

При всем героизме наших людей в начале войны не хватало оружия и умения воевать. Особенно велики были потери практически не обученных бойцов из дивизий народного ополчения, героически «затыкавших дыры» в обороне. Ведь только в боях под Москвой летом и

осенью 1941 г. участвовали 16 московских дивизий народного ополчения общей численностью 160 тыс. человек, под Ленинградом в частях народного ополчения сражалось свыше 130 тыс. человек. [Недостаточная подготовленность командного состава усугублялась военной безграмотностью и импульсивностью Сталина, Ворошилова, Буденного и др. Единоличное принятие Сталиным решений сковывало действия на местах и в Генштабе. Маневренная война с ее быстро меняющейся обстановкой оказалась гибельной для бездарной сталинской системы, которую спас от разгрома патриотизм и героизм нашего народа, ценой огромных жертв защитившего Родину. Велика роль и таких воистину народных полководцев, как Г. Жуков и других, которые взяли на себя всю тяжесть ведения войны после страшных поражений лета и осени 1941 года (которые полностью на совести Сталина и таких «стратегов», как Ворошилов, Буденный и др.). — *Прим. ред.*]

В основном к начальному периоду войны — 1941 и в меньшей мере 1942 гг. — относятся и многочисленные потери, обозначаемые очень неопределенным и трагичным понятием «пропавших без вести». Сколько их было в годы войны, мы до сих пор не знаем. А ведь многие из этих людей вполне заслуживают звания «безымянных героев», просто их гибель, в основном в 1941 г., не была зафиксирована в соответствующих документах. Часть «пропавших» оказались в плену, а потому отношение к пропавшим без вести и их родственникам было настороженным. Сколько из них погибло, сколько оказалось в плену, сколько вернулось домой?

Все мы знаем о том, что были целые соединения и части из наших соотечественников, сражавшихся на стороне гитлеровцев. Это и так называемая РОА, и соединения СС из жителей Западной Украины и Эстонии, и так называемые казачьи сотни, и национальные легионы, и полицейские части. Сколько всего их было? Ведь это пусть тяжелая, неприятная, но часть нашей истории. [По некоторым подсчетам, около 1 млн. чел. — *Прим. ред.*]

Люди умирали в госпиталях от ранений и болезней. Всего, по оценкам Б.В. Соколова, от ран в годы войны скончалось 2,5 млн. человек, а всего было ранено 25 млн. человек. [Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1988, №9, с. 117.] И хотя после успешного лечения в строй возвращались 72,3% раненых (в 1941 г. — 48,8%, в 1944 г. — 75,4%), какая-то часть раненых умирала, ну а как считать, если человек умер от ран не в январе 1945 г., а в январе 1946 г. — это что, прямые потери или нет? (Все это говорится для того, чтобы понять: вряд ли есть где-то в сейфах за семью печатями окончательная цифра этих потерь — их нужно долго и тщательно считать.)

Несли потери и партизаны, которых насчитывалось свыше 1 млн. человек. Партизаны уничтожили, ранили и захватили в плен свыше 1

млн. фашистов и их пособников, вывели из строя свыше 4 тыс. танков и бронемашин, действия партизан отвлекали 24 вражеских дивизии, в том числе 15—16 дивизий на охрану коммуникаций. [Великая Отечественная война, 1941—1945. М. «Советская энциклопедия», 1985, с. 530—531.] Но и много партизан погибло в боях, в многочисленных окружениях и прочесываниях. Трудно подсчитать и жертвы среди подпольщиков, ведь само это понятие весьма относительно, когда прямо или косвенно с фашистами воевал весь народ.

Большие потери от голода и репрессий оккупантов понесло и население временно оккупированных советских территорий, где к концу 1942 г. проживало примерно 40% довоенной численности населения. Многие из них были вывезены на принудительные работы в Германию — из 6 млн. человек, насильственно угнанных во время войны, к 1953 году на родину вернулось 5,5 млн. человек. [Там же, с. 609.]

Гибло от голода и военных действий гражданское население прифронтовых районов. Только в Ленинграде от голода и болезней погибло, по уточненным данным, не менее 800 тыс. человек. Общие потери гражданского населения оцениваются примерно в 10 млн. человек, причем эти цифры также нуждаются в уточнении.

В тяжелых условиях работали труженики тыла. Пришлось им пережить и потерю близких, и труд по 12—14 часов, и продовольственные трудности.

Можно считать, что в среднем потребление продуктов питания в СССР в годы войны уменьшилось на 35—40%. Наиболее тяжелое положение было на оккупированной территории и в осажденном Ленинграде зимой 1941/42 года во время его блокады. Самая низкая норма выдачи хлеба была с 20 ноября по 25 декабря 1941 года, когда рабочие получали 250 граммов хлеба низкого качества, а остальные граждане — 125 граммов, о которых точно было сказано «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Только от алиментарной дистрофии в 1941 г. умерло 64 тыс. человек, в январе—феврале 1942 г. — 200 тыс. ленинградцев. К маю 1942 г. за счет улучшения питания заболеваемость дистрофией уменьшилась в 5 раз. Отметим, что в остальных неоккупированных районах СССР в первые два года войны были лишь отдельные случаи дистрофии.

В годы войны рождаемость на неоккупированных территориях снизилась примерно вдвое — в 1940 г. в СССР родилось 6,1 млн. детей, а в 1943 г. — около 3 млн. Особенно снизилась рождаемость на временно оккупированной территории — так, в Днепропетровске в 1943 г. она составила 30% довоенного уровня. Уменьшилась в годы войны и брачность населения: так, в Узбекистане в 1940 г. было зарегистрировано 49 тыс. браков, а в 1943 г. — 22 тысячи.

В годы войны, особенно в 1941—1942 годах, даже на неоккупированных территориях увеличилась смертность среди гражданского населения. И это при том, что на неоккупированных территориях не было массовых эпидемий, а начавшееся в 1943—1945 гг. широкое внедрение новых лекарственных препаратов (антибиотики, сульфаниламиды) позволило быстро снизить смертность, особенно детей до одного года.

Если же подсчитать косвенные потери населения страны в годы войны в целом, то они примерно оцениваются в 22—23 млн. человек. Ну, а прямые потери? Мы уже говорили о сложности такого рода подсчетов, и сейчас можно обсуждать лишь сугубо приближенные расчеты. В нашей печати сообщалось, что в боях за Родину погибло около 8 млн. советских воинов. И эти цифры нуждаются в уточнении: по оценкам Б. Соколова, эта величина составляет 8,5 млн. Только люди 1906 года рождения потеряли в годы войны 34,5% довоенной численности мужчин и 9,5% численности женщин. [Соколов Б. «Вопросы истории», 1988, №9, с. 117.] Видимо, потери мужчин 1920—1926 гг. рождения были заметно больше. По ориентировочным расчетам, до 1959 г. дожило на 45—50% меньше мужчин этого поколения, если бы существовала одна «естественная смертность».

В целом лишь к началу 1955 года население нашей страны достигло довоенного уровня, к концу 50-х годов вышла на довоенный рубеж Украина и лишь к 1970 г. — население Белоруссии.

По расчетам советских исследователей, если бы не было войны, то население СССР на начало 1946 г. составило бы 213 млн. чел., а фактически было 167 млн. человек. Иначе говоря, разницу в 46 млн. человек можно принять как вариант оценки суммы прямых и косвенных потерь. [Власьевич Ю.Е. Экономическое бремя милитаризма. М., «Мысль», 1980.] Можно полагать, что прямые и косвенные потери населения СССР в Великой Отечественной войне, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, составили 48—50 млн. человек, в том числе прямые потери — 26—27 млн. человек.

Всего же только за годы первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн прямые и косвенные потери населения нашей страны составили около 75 млн. человек. (Без учета потерь от голода и репрессий.) [А с учетом голода и репрессий — 105—115 млн. — *Прим. ред.*]

Демографическое «эхо» войн и других трагических событий века еще долго будет сказываться на развитии нашего населения, да и не только его. В чисто демографическом плане следует учесть, что прямые последствия войны залечиваются через десятилетия, война сказывается на здоровье людей спустя многие поколения. Только через 30—40 лет после окончания войны в детородных возрастах выравниваются диспропорции в численности мужчин и женщин.

Социальные последствия войн — особая тема. Послевоенная вспышка преступности и организованного бандитизма, столь памятная людям старшего поколения, — лишь отражение старой истины,

что всеобщее ожесточение — удел и побежденных, и победителей. Поэт Д.Л. Андреев, сын знаменитого русского писателя Леонида Андреева, мудро заметил: «С войн человек не может вернуться целым. Он искалечен либо физически, либо психически или нравственно. Человек, который говорит, что он вернулся с войны нормальным, он-то и есть ненормальный».

Многие участники афганских событий, что оказалось для нас вновь, как будто не было печального опыта участия США во вьетнамской войне, в условиях постоянного физического и психического напряжения пытались найти выход в наркотиках. Конечно, «не всегда солдаты прибегали к ним в боевой обстановке, но подобное случалось... Ребята оправдывали свой поклон дурману снятием нервных стрессовых состояний перед боевыми операциями, в период несения ночной караульной службы неподалеку от душманских позиций, другими обстоятельствами». ["Литературная газета", 26 октября 1988 г.]

Трудности адаптации к мирной жизни, переоценка ценностей, столь ясных и недвусмысленных в условиях военных действий, — вот с чем столкнулись вернувшиеся фронтовики Великой Отечественной и с чем сегодня сталкиваются вчерашние «афганцы».

«Белых» пятен в нашей «демографической истории» еще очень много. Будем надеяться, что подготавливаемое сейчас новое многотомное издание истории Великой Отечественной войны снимет многие из них, но останутся другие проблемы...

Из истории недавней. В 1986 году от несчастных случаев, отравлений и травм в нашей стране погибло 183,3 тыс. мужчин и 64,8 тыс. женщин (большей частью — это мужчины трудоспособного возраста в возрасте от 20 до 50 лет). Чтобы осознать масштаб этих потерь, напомним, что во всех войнах эпохи Петра I погибло около 40 тыс. человек, а в Бородинской битве было убито 13 тыс. русских солдат и офицеров. Ежегодные потери, равные сражениям, вошедшим в историю.

Вот уже более сорока лет наш народ живет в отсутствии войны. Но продолжаются в мире так называемые «локальные войны и конфликты». За этим изящным термином скрываются войны, в которых после окончания второй мировой войны, по примерным оценкам, погибло 25 миллионов человек. Только в ходе национально-освободительной войны погибло около 3 млн. вьетнамцев, в ирано-иракской войне — около 1 млн. человек. Для нашего народа осознанием трагедии локальных войн стали события в Афганистане, весь комплекс последствий которых мы еще только начинаем понимать. И дело не только в судьбе 15 тыс. погибших и 39 тыс. раненых воинов [Количество погибших афганцев оценивается приблизительно в миллион человек. — *Прим. ред.*], важно и то влияние, которое окажут эти события в будущем.

Человеческие потери, бедствия населения, о которых шла речь, — уже история. Но История — ревнивый учитель: кто не помнит прошлое, «тот вряд ли с будущим в ладу». XX век породил иные представления о светопреставлении: Франсиско Гойе, более полутора столетий назад создавшему цикл «Бедствия войны», и в страшном сне не могла привидеться судьба Герники, запечатленная другим знаменитым испанцем уже в нашем веке. Дрезден и Хиросима были еще впереди...

В ядерной же войне, если она разразится, не будет ни побежденных, ни победителей. Ценой победы тех немногих, кто уцелеет в обмене ядерными ударами, первыми истребив противника (хотя вряд ли это возможно), станет гибель биосферы и возможности существования человечества. Уроки истории и опыт наших дней говорят о том, что войне, голоду, эпидемиям не должно быть места на Земле ни сейчас, ни тем более в XXI веке.

ния в СССР не только обострились, но имеют явную тенденцию к ухудшению и что необходимы радикальные и решительные меры для преодоления негативных явлений, отразившихся на снижении средней продолжительности жизни, повышении общей и детской смертности, уменьшении рождаемости и деформации возрастно-полового состава населения. На протяжении двух последних десятилетий (1966—1985 гг.) в демографическом развитии страны был не только застой, но явный регресс в динамике ряда важнейших показателей, определяющих воспроизводство новых поколений, их здоровье и предстоящую продолжительность жизни. Об этом свидетельствует статистика, а цифрам, желаем мы того или нет, приходится верить.

За период с 1966 по 1985 г. в СССР средняя продолжительность жизни сократилась с 69,9 до 67,6 лет, или на 2,3 года, в том числе мужчин с 66,1 до 62,5 лет (на 3,5 года), у женщин с 73,8 до 72,8 (на 1 год). Среди сельского населения сокращение было более существенное, нежели у городского. У большинства неспециалистов создается ошибочное представление, будто 1 год средней продолжительности жизни — это не так уж важно. На самом деле это очень серьезно, ибо уменьшение средней продолжительности жизни всего на 1 (один) год при населении 280 млн. человек — это потеря около 100 000 (!) жизней лиц различного возраста, и прежде всего среднего и детского возрастов.

Сравнение с экономически развитыми странами свидетельствует о том, что за последние два десятилетия в странах Западной Европы и Средней Америки средняя продолжительность жизни увеличилась на 1,5—3 года у мужчин и на 3—4 года у женщин. Особенно больших успехов добилась Япония — в этой стране сегодня самая высокая продолжительность жизни в мире — 80 лет для женщин и 76 лет для мужчин.

Статистика свидетельствует, что отставание СССР по данному показателю от экономически развитых стран связано с тем, что у нас во много раз более высокая смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний. Например, по сравнению с США в СССР в молодых возрастах (15—35 лет) смертность от туберкулеза у мужчин в 56 раз выше, а у женщин в 40 раз выше.

В СССР в 3—4 раза выше смертность от болезней системы кровообращения в средних возрастах (35—55 лет) по сравнению с большинством экономически развитых стран, где смертность от этого заболевания отнесена на более старший возраст.

То же самое можно сказать о смертности от травм, несчастных случаев и отравлений (особенно отравлений). К 1985 году в стране смертность от этой причины была в 3—4 раза выше, чем в большинстве экономически развитых стран.

Сравнение смертности от онкологических заболеваний также свидетельствует не в нашу пользу: при примерно одинаковом общем

уровне показателей с экономически развитыми странами в СССР случаи смерти от этих заболеваний происходят в более молодом возрасте (на 10—15 лет), что сокращает предстоящую продолжительность жизни.

Показатель средней продолжительности жизни, который наиболее полно характеризует уровень здоровья поколений, имеет существенные региональные различия (по республикам и внутри республик) среди жителей городов и сел, у различных социальных и профессиональных групп населения. Предстоящая продолжительность жизни поколения во многом зависит от детской (младенческой) смертности. Так, например, детская смертность в Литовской ССР (11,6 на 1000 родившихся) более чем в 4 раза ниже, чем в Узбекской ССР (46,2) и Таджикской ССР (46,7). Диапазон колебаний средней продолжительности жизни также существенный (у мужчин: от 59,8 года в Туркмении до 69,9 года в Армении). А ведь все это слагаемые общей средней продолжительности жизни по Союзу.

Особую тревогу вызывает динамика демографических процессов в центральных областях РСФСР. Демографические сдвиги оказали отрицательное воздействие как на состояние здоровья отдельных контингентов населения, так и на формирование общей численности и структуры населения. До сих пор происходит сокращение общей численности населения — депопуляция или, попросту говоря, обезлюдение в Полтавской, Ивановской, Калининской, Рязанской, Тульской, Курской, Тамбовской областях. Среди сельского населения смертность превышает рождаемость во всех областях Центрального и близлежащих к нему районов.

Возрастная структура деформирована: большое число пожилых людей и малая доля детей и трудоспособного населения. Проблема одиночества, аборты, внебрачная рождаемость, сиротство... Вот какое демографическое наследие досталось поколению, которому предстоит перестроить застоявшееся социально-экономическое и, в частности, демографическое развитие общества.

Безусловно, экономика и социальная сфера могут либо тормозить, либо благоприятствовать демографическому обновлению. Серьезным тормозом этого процесса было отсутствие гласности: общество не владело статистикой, люди не знали, какие изменения происходят в населении, которое они составляют, — увеличивается или уменьшается продолжительность жизни, каково состояние здоровья у нас и за рубежом, сколько умирает людей и отчего, в каком возрасте, сколько вдовых, разведенных, одиноких, сирот и т.д.

Удивительно, но факт, что когда в середине 70-х годов начала повышаться детская смертность и смертность в трудоспособном возрасте, вместо того чтобы выявить причину такого положения и активизировать борьбу с наметившейся неблагоприятной тенденцией, ЦСУ прекратило публиковать данные. Таков был ответ на остроту пробле-

и «их» цифрами, то окажется, что оснований для жизнерадостного оптимизма гораздо меньше, чем это видится на первый взгляд. Мы заметим, что ситуация эта и ее изменения на разных этапах нашего исторического развития не столь уж однозначны.

Да, младенческая смертность десятикратно уменьшилась за истекшие три четверти века. Но в нашей истории были периоды, когда младенческая смертность не уменьшалась, а росла. И первый из них — это 1930-е годы. Не является ли этот рост одним из ярчайших свидетельств той трагедии, которую в эти годы пришлось пережить нашему народу, одним из результатов насильственного ракрестьянивания, голода середины 1930-х гг. и жесточайших сталинских репрессий?

А если взять последние двадцать лет? За эти годы уровень младенческой смертности в нашей стране практически не изменился. Более того, внутри этого двадцатилетия также наблюдался подъем младенческой смертности. Достигнув к 1971 г. минимального за всю нашу историю уровня, младенческая смертность стала затем стремительно повышаться. В результате к середине 1970-х гг. наша страна оказалась как бы отброшенной почти на 15 лет назад, к началу 1960-х годов. А в сельской местности это отступление оказалось еще более значительным — к уровню конца 1950-х годов. И что интересно — именно во время этой «ретирады» статистика младенческой смертности стала закрытой!

Правда, начиная со второй половины 1970-х годов младенческая смертность в нашей стране вновь стала снижаться. Но, во-первых, это снижение не было устойчивым. Показатель, что называется, «скакал», его «лихорадило».

Во-вторых, как сказано, это снижение всего лишь позволило нам вернуться на уровень двадцатилетней давности. И если брать весь двадцатилетний период в целом, то перед нами классическая, затянувшаяся на два десятилетия стагнация. При этом, как ни печально это звучит, СССР является практически чуть ли не единственной страной мира, где уровень младенческой смертности за последние двадцать лет не снизился. Если бы меня просили указать на наиболее яркое проявление «застоя», вряд ли можно было бы найти пример более разительный, чем этот. (За исключением, может быть, динамики средней продолжительности предстоящей жизни, которая за эти же годы не только не повысилась, как во всех без исключения странах мира, но даже снизилась.)

В-третьих, за приведенными выше данными сравнительного благополучия (в сравнении, например, со странами Тропической Африки или Карибского бассейна), за этими, повторю, сравнительно благополучными среднесоюзными цифрами скрываются очень сильные, прямо-таки разительные территориальные различия.

Например, в 1980-е гг. уровень младенческой смертности в сельской местности был почти в полтора раза выше, чем в городах.

Еще больше различия в младенческой смертности по союзным республикам. Например, в 1986 г. разрыв между минимальным (11,6‰ в Литовской ССР) и максимальным (58,2‰ в Туркменской ССР) показателями младенческой смертности был более чем пятикратным. Еще более велики различия между этими республиками по показателям младенческой смертности от некоторых причин. Так, смертность детей в возрасте до 1 года от заболеваний органов дыхания в Туркмении была в 1986 г. почти в 31 раз выше, чем в Литве. [«Население СССР, 1987», с. 407.]

И, наконец, нельзя не сказать и о самом, пожалуй, главном. Можно утешать себя надеждами, глядя на то, как кривая младенческой смертности в самые последние годы начала потихоньку загибаться вниз. Но, мне кажется, что остатки и оптимизма, и (хотя бы) «чувства глубокого удовлетворения» должны улетучиться, если сравнить нашу ситуацию с младенческой смертностью с тем, что можно было бы назвать «мировым уровнем». Наше отставание от него производит просто удручающее впечатление. В таких странах, как Япония, Швеция, Нидерланды, Франция, Великобритания, США, ГДР и ряд других, уровень младенческой смертности в 2,5—5 раз ниже, чем у нас.

Этот разрыв показывает тот колоссальный путь, который нам предстоит пройти и который мы должны, просто обязаны пройти, если хотим быть в числе действительно передовых в этом отношении стран. И хотя формально эта дорога короче той, которую мы уже прошли, преодолеть ее стократ труднее. И если ничего не изменится самым революционным образом, если наше общество, причем все общество, все его слои и группы, все его члены, а не «отдельные представители», не проснется от спячки и не повернется наконец лицом к детям, если дети не станут действительно его привилегированным классом, то мы и дальше будем, говоря словами Козьмы Пруткова, «оставаться все в той же позиции».

К счастью, перестройка дает нам надежду. Но и авторитет перестройки, как совершенно правильно говорят председатель Правления Советского детского фонда А.А. Лиханов и министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов в своем письме партийным и советским руководителям Казахстана и республик Средней Азии, «будет зависеть от того, как наша страна и отдельные ее регионы справятся с решением таких больных и в высшей степени деликатных проблем, как детская смертность».

Как известно, первый шаг на пути решения любой проблемы — это понимание причин, ее породивших. Почему же в нашей стране столь высокая младенческая и детская смертность? Отвечая на этот вопрос, можно сослаться на тысячи обстоятельств. Тут и трудности исторического пути, и стремление в первую очередь решить проблемы экономического соревнования с миром капитализма, создать мощ-

ную индустриальную базу для решения потом проблем социального развития. Тут и вытекающее из этого отношение ко всей социальной сфере, в том числе и к медицине, и ко всему, что связано с рождением и воспитанием детей, с уходом за ними, с общеобразовательной и профессиональной подготовкой как к чему-то второстепенному, что может пока подождать и что может обеспечиваться ресурсами по «остаточному принципу».

Особенно нетерпимо, конечно, положение с детской медициной. Характеризуя его, можно было бы долго говорить о недостатке не то что хороших, но даже обычных детских больниц и врачей в них. Причем хуже всего дела обстоят именно там, где ситуация наиболее тревожна: в сельской местности вообще и особенно в республиках Средней Азии. Их население уже самой методологией планирования развития социальной сферы автоматически ставится в менее благоприятные условия. Нормативы-то этого развития задаются в расчете на 1000 человек населения. И значит, там, где рождаемость более высокая, где выше удельный вес детей во всем населении, там эти дети оказываются как бы обделенными. Ведь при таком планировании в этих республиках нагрузка на одного детского врача, на одну педиатрическую или родильную акушерско-гинекологическую койку оказывается гораздо выше той, которая имеет место в районах с низкой рождаемостью.

Характеризуя положение с детской медициной, повторю, можно было бы приводить много данных статистики. Но, мне кажется,важнее рассказать о ситуации с медицинским обслуживанием (вот, кстати, еще одно бюрократическое выражение, само по себе характеризующее наше общее отношение к социальной проблематике вообще, к охране здоровья в частности) детей, больных каким-нибудь, к счастью, не слишком широко распространенным заболеванием. Ведь простой здравый смысл подсказывает, лечение редких (относительно, относительно редких, малораспространенных лишь в статистическом смысле!) заболеваний, как правило чрезвычайно тяжелых и дающих повышенную смертность или инвалидизацию, должно быть поставлено, что называется, «на уровне».

Увы, но это, к сожалению, не всегда или чаще всего не так. В последнее время стали достоянием гласности неизвестные большинству из нас факты о положении в нашей стране с заболеваемостью и смертностью детей от онкологических заболеваний. Мы как-то привыкли считать, что рак и все связанные с ним ужасы — это удел взрослых и даже достаточно пожилых людей. И что дети практически не страдают от этих страшных и не оставляющих никаких надежд болезней.

Но оказалось, что это всего-навсего еще один, хотя и ужасающий пример нашего общего самообмана. Мы узнали, что в нашей стране каждый год от злокачественных новообразований умирают шесть тысяч детей и каждый год выявляется пять тысяч новых случаев. [«Правда», 14 октября 1988 г.] Казалось бы, для лечения этих детей должны быть созданы все необходимые и возможные на сегодняшний день развития науки и медицины условия. Казалось бы, эти дети ни в чем не должны иметь недостатка. Но выясняется, что даже больничными койками эти несчастные, обреченные дети обеспечены в четыре с половиной раза хуже, чем это необходимо: нужно иметь 3 с половиной тысячи коек во всей стране, а есть ровным счетом 780. Что уж говорить про все остальное! И я думаю, что мы боимся «заглянуть в глаза таким детям» (А. Лиханов) не только потому, что это невыносимо для человека — видеть глаза обреченного на ужасную смерть ребенка, но и потому, что нам стыдно. Стыдно, что общество не смогло и не захотело обеспечить своим самым беззащитным и самым несчастным членам ту защиту и заботу, в которых они нуждаются.

Ничем не лучше и ситуация с лечением таких тяжелых заболеваний, которые объединяются в группу психоневрологических патологий: тут и детские церебральные параличи, и нарушения речи, и заболевания опорно-двигательного аппарата. Пожалуй, здесь трагизм ситуации усугубляется еще и тем, что детей с такими заболеваниями гораздо больше, чем со злокачественными новообразованиями. А о том, как их лечат, можно много прочитать в газетах и журналах последних 2–3 лет. Достаточно сказать, что СССР — это практически единственная из высокоразвитых стран, где отсутствуют специализированные научно-исследовательские центры по профилактике и лечению этих тяжелейших детских заболеваний, последствия которых люди испытывают до конца своих дней. А попытки энтузиастов создать такой центр в Москве, где на учете в психоневрологических диспансерах состоит более 50 тысяч детей и подростков (а реальная распространенность психических заболеваний в несколько раз выше), не привели пока ни к чему, утонув уже сейчас, в годы перестройки (!) в болоте бюрократического равнодушия. [«Огонек», 1988, № 52, с. 16 и след.] Единственное, что пока удалось сделать, — это создать специализированную детскую больницу (одну на весь Советский Союз!) для лечения детей и подростков, больных детским церебральным параличом.

Так обстоит дело с тяжелейшими формами патологий детского возраста... Что уж говорить об «обыкновенных» болезнях «обычных» больных детей, лечат которых в «рядовых» больницах и поликлиниках. Сколько недополучают и все заболевшие дети, и каждый отдельный ребенок, становится как-то особенно понятно, когда узнаешь, что, например, в 1987 г. в больницах лежало 15 миллионов детей!

Можно без особой натяжки сказать, что ситуация с детской заболеваемостью и смертностью в нашей стране является результатом непростительного отсутствия настоящего, подлинного внимания («общенациональной беспечности». — *А. Лиханов*) к проблемам не только детского здоровья, но и вообще к проблемам детства, к проблемам

детей и подростков, к проблемам возникновения, функционирования и развития семьи. Эта ситуация, при всем ее трагизме — всего лишь симптом. Симптом страшной болезни, поразившей за годы сталинизма и застоя наше общество, болезни, которую можно было бы назвать синдромом детофобии. Этот синдром страшен и опасен не только своими, так сказать, зримыми проявлениями, о части из которых шла речь выше. Он опасен тем, что по большей части невидим, замаскирован, протекает под прикрытием не только пропагандистских штампов о счастливом детстве, безграничной заботы о детях и т.п. Это было бы полбеды. Этот синдром маскирует и вполне искренняя убежденность большинства в их любви к детям, в готовности обрушить на своего ребенка целый водопад всяческих благ. Но он, этот синдром, существует, он есть и время от времени прорывается не только в форме разного рода социальных уродств, на которые мы всегда готовы и рады обрушить наш праведный гнев, успокаивая тем самым немного свою больную совесть, таких, как все расширяющееся «отказничество», сдача детей в дома ребенка, а то и просто выбрасывание их на свалки и помойки, лишение детей во многих семьях столь необходимой им ласки и даже должного ухода, коверкание детских личностей в наших печально знаменитых детских дошкольных учреждениях и школах, о чем вновь говорилось на последнем съезде работников народного образования, и т.д. и т.п.

Этот синдром проявляется и в привычном отодвигании на «потом» многих социальных проблем, когда, по сути дела, интересы будущего приносятся в жертву ложно понятым сиюминутным интересам. Этот синдром имеет и демографический смысл, проявляясь во многих связанных с воспроизводством населения, рождаемостью явлениях. Возьмем, например, такой глобальный по своему охвату процесс, как снижение рождаемости.

Будучи объективно обусловленным и потому в определенных исторических рамках прогрессивным, этот процесс, как становится все более очевидным, перешел в своем развитии ту грань, которая отделяет позитивные его стороны от негативных, превратившись из необходимого компонента социальных преобразований в острейшую общественную проблему. Снижение рождаемости было связано с трансформацией семьи, с изменением ее места и роли в обществе. Отмирание ряда социальных функций семьи и изменение других привело к уменьшению потребности в детях, снижению ее до уровня, который (по идее) должен был бы соответствовать изменившимся историческим условиям. Но стихийное, спонтанное развитие процесса трансформации семьи, усугубленное в нашей стране теми трудностями и трагедиями, через которые пришлось пройти нашему народу, привело к тому, что уменьшение потребности в детях и обусловленное им снижение рождаемости «проскочило» тот оптимальный уровень, который отвечает долговременным интересам как всего общества, так и каждого его члена. Это породило массу социальных проблем, связанных с низкой рождаемостью, о которых сказано уже так много. Разумеется, к низкой рождаемости и порождаемым ею проблемам можно относиться по-разному. Некоторые даже занимаются ее апологетикой, считая и доказывая, что все обстоит прекрасно и современная малодетная семья — это как раз то, что в наибольшей мере отвечает «современным условиям» и интересам семьи. Другие видят в низкой рождаемости острейшую социальную проблему, нерешенность и нерешаемость (в смысле отсутствия реальных действий) которой ставят под вопрос само существование общества.

Хотя мне ближе вторая позиция, я не хотел бы здесь вступать в содержательный демографический спор. Мне просто хочется в контексте разговора о синдроме детофобии сказать об одном последствии снижения рождаемости, перехода возрастающей части населения к малодетности, в котором этот синдром также находит свое яркое выражение. Распространение однодетности как крайнего выражения малодетности обусловило то, что семья с одним ребенком стала рассматриваться как не только наилучшая, но и чуть ли не единственно возможная в современных условиях модель семьи.

Это выражается уже на лингвистическом уровне. «У вас есть дети?» — спрашивает один горожанин другого. «Да, есть», — отвечает тот. «Сколько?» — «Один». Итак, дети — это один ребенок. Хотя последнее выражение и выглядит корявым с точки зрения стиля, в эмоциональном плане оно режет слух все меньшему и меньшему числу людей. И это легко понять. Ведь наше общество воспитано на принципах единообразия. Плюрализм до недавнего времени нам был если не чужд, то по крайней мере казался чем-то не вполне нашим и совершенным. «Мода» на однодетность, однодетный образ жизни большинства породили и массовую однодетность мысли, малодетное единообразие не только в делах, но и в мыслях и чувствах. Люди не только рассматривают собственную малодетность как нечто единственно возможное, оправдываемое ссылками на требования жизни, но и с подозрением, как к чужакам относятся к тем, чья семейная жизнь, чье репродуктивное поведение отличается от их собственного.

Мышление, движущееся в противопоставлении «своей» малодетности «чужой» много- и среднедетности, оправдывает себя тем, что рождение одного, редко двух детей в семье рассматривается чуть ли не как панацея, универсальное средство решения всех проблем современной семьи и женщины. Что все, связанное с семьей и детьми, особенно несколькими детьми, — это вычет из саморазвития женщины (да и мужчины), помеха ее и его профессиональной, общественной и всякой иной активности. Что «ограничивать» себя детьми могут только неразвитые, малокультурные люди.

прочего, что болезнь детофобии, о которой говорилось выше, не зашла еще, к счастью, слишком далеко, не стала необратимой. И что она в большей мере свойственна окаменевшим, обюрократившимся общественным структурам, в том числе и тем, чья прямая, казалось бы, обязанность — заботиться о детях, об их физическом и интеллектуальном развитии, чем самому населению, по крайней мере большинству людей.

Как только в обществе изменился «популяционный климат» или, во всяком случае, как только многим показалось, что такое изменение произошло, что отношение к семье, к детям, к их появлению на свет стало меняться, так сразу же многие реализовали свои «планы» рождения детей. И рождаемость (ее «валовые» показатели) несколько, хотя и ненадолго, повысилась. Но этот подъем слишком мал и неустойчив, чтобы можно было говорить о повороте в сторону демографического благополучия. Чтобы этот поворот совершился, нужно изменение самих репродуктивных намерений, самих «планов» рождения детей. А для этого мало, чтобы улучшился status quo. Для этого нужно, чтобы все общество, все его социальные институты радикально изменили свое отношение к детям, к семье, к рождению детей, ко всему, что с этим связано.

Без такого радикального, революционного изменения не может быть достигнута цель демографической политики в нашей стране, которая, если говорить коротко, должна способствовать обеспечению устойчивого расширенного воспроизводства населения. Такое изменение отношения к детям, поворот к их проблемам, увеличение благорасположенности общества к семье и детству становятся категорическим императивом демографической политики, которая тем самым включается в гуманистический контекст перестройки, становится одним из ее «фронтов». Гуманизация общества, возвращение социализму «человеческого лица» невозможны без изгнания из нашей жизни любых проявлений детофобии. Понимание этого, по-моему, и вдохновляет растущее число энтузиастов, объединяющихся в различных общественных организациях, прежде всего в Детском фонде им. В.И. Ленина. Конечно, огромную махину, даже притормозившую в своем движении, довольно трудно свернуть с накатанной и привычной дороги на новый путь. Но делать это нужно, если мы не хотим, чтобы потом стало еще хуже. Надо, чтобы дети не на словах, а на деле стали привилегированным классом, чтобы их права, о которых наше общество порой забывает, защита этих прав стали одним из самых или, лучше сказать, самым приоритетным направлением строительства правового государства.

Восстановление детства в его правах, помимо общегуманистического, будет иметь и демографический результат, будет работать на цели демографической политики в нашей стране. И наоборот, демографическая политика, направленная на стимулирование среднедетной семьи, гармонизирующей интересы семьи и личности и являющейся поэтому основой демографического плюрализма, расширения свободы в демографической сфере, будет иметь и общесоциальный, гуманистический эффект. Она будет способствовать излечению общества от раковой опухоли антидетности, восстановлению детей и детства в их правах, узурпированных, если говорить начистоту, административно-командной системой.

Порой можно услышать, что стимулирование среднедетности является столь сложной, трудноосуществимой и «затратоемкой» целью, что ее лучше не выдвигать, а попытаться вначале достичь более близких и более скромных целей повышения рождаемости в пределах той потребности в детях, которая существует сейчас и которая не удовлетворяется полностью из-за неблагоприятных материальных условий жизни большинства семей.

Что тут скажешь? Жизнь действительно трудна и полна захватывающей, хотя и не облагораживающей личность борьбой со всякого рода нехватками и дефицитами (даже дети знают уже это сакраментальное слово!). И легче она пока что не стала. Скорее уж наоборот. И потому, казалось бы, надо и в самом деле проявлять «скромность», довольствоваться тем малым, что наше государство может оторвать для семьи и детей (т.е. для нашего и своего будущего!) от других, «более важных» дел.

Но, во-первых, мне, откровенно говоря, никогда не нравилась наша «демографическая скромность»,скромность просителя с робко протянутой рукой, который вроде бы и понимает, что общество должно больше уделять всего своим детям (т.е. самому себе!), который даже и говорит, сколько и чего именно нужно, но тут же начинает уверять и себя, и «всеобщего благодетеля», и всех, что, мол, хоть и надо бы то-то и то-то, но поскольку-де государство наше бедное, у него и нельзя просить выделить что-то своему «привилегированному классу»! Пусть уж лучше оно зароет эти средства, эти миллиарды в землю, передав их какому-нибудь минводхозу, чтобы он прорыл еще какой-нибудь никому не нужный канал или построил еще одну ирригационную систему, после чего еще столько-то миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий выпадет из оборота! В прессе («Известия» за 1 января 1989 г.) приводились данные о том, что на мелиорацию за 20 лет истрачено 130 миллиардов, в результате чего не было никакого прироста урожайности, из 20 млн. га орошения около 9 (почти половина!) уже требуют реконструкции,а 3—3,5 млн. га списано совсем! И что же минводхоз? А вот что: на ближайшие 15 лет он требует себе уже 230 миллиардов! И он их скорее всего получит, что будет не только еще одним примером фактического пренебрежения интересами социального развития вообще, интересами семьи и детства в частности, но и результатом «скромности» наших демографов, не решающихся не то что требовать, но даже и просить хотя бы малую толику

ческое будущее (как и вообще будущее) нашего общества было гарантировано, мы должны полностью использовать те возможности, которые для этого предоставляет наше время, время, когда общество захотело и пытается стать иным, когда социализм пытается использовать шанс, предоставленный историей — стать обществом, открытым к человеку, к подлинным интересам его гуманистического развития, вопреки предрассудкам, догмам, искусственно выстроенным на его пути преградам. Дети — наше будущее. И только от нас зависит, сможем ли мы оставить им общество, достойное человека.

А. Авдеев

Аборт — дамоклов меч над каждой семьей...

Тяжелый пресс унифицированной пропаганды и замена знания реальности верой «в светлое будущее» породили в нашем обществе особую психологию: психологию «отдельных недостатков». Каждый из нас привык рассматривать свои проблемы как частный случай, как нетипичное для нашего общества явление, как порождение «отдельных недостатков». К числу таких нетипичных проблем долгое время относили и те, которые возникали при решении семьей вопроса о числе детей и времени их рождения.

Изучение мнений женщин показало, что в 1985 году 18—19-летние девушки хотели иметь в своих семьях в среднем 2,5 ребенка, при этом ожидаемое число детей для живущих в городах только 2,1, а для живущих в сельской местности — 3,3 ребенка. (Отметим, что в 1987 году более 65% населения СССР проживало в городах.) Можно спросить, какие же здесь могут быть проблемы, ведь эта ситуация характерна для всех развитых стран. Действительно — ситуация характерная, но проблемы разные. Из 23 лет, которые «средняя» советская женщина проживает в браке в репродуктивном возрасте (репродуктивный возраст считается с 15 до 49 лет), на рождение ожидаемого числа детей уйдет около 5 лет. И целых 18 лет средняя советская семья должна избегать нежелательного деторождения.

А как это можно сделать? Вот здесь и начинаются типичные проблемы каждой семьи. Нехватка противозачаточных средств, низкая культура планирования семьи, практически полное отсутствие информации о том, как избежать беременности и соответствующей медицинской помощи оставляют в распоряжении семьи лишь одно надежное средство — искусственное прерывание нежелательной беременности. Аборт — это дамоклов меч над каждой семьей, по абсолютному числу абортов нас обгоняет только Китайская Народная республика.

Каждый год в мире регистрируется около 33 миллионов легальных искусственных абортов, а с учетом неполноты статистической информации, нелегальных и внебольничных абортов, эта цифра дол-

жна увеличиться примерно вдвое. Таким образом, проблема аборта остро стоит во всем мире.

В СССР, где проживает менее 6% населения Земли, ежегодно делается почти ¼ всех регистрируемых в мире абортов. Это уже говорит само за себя. Но позволю себе привести еще несколько цифр: на 1000 женщин в возрасте 14—44 года в нашей стране в 1984—1986 годах приходилось около 117 абортов, тогда как в ГДР — только 26; в Венгрии — 37; во Франции — около 15; в ФРГ — 7, а в Китае — 62. Из 100 беременностей в СССР 55 заканчиваются искусственным абортом.

Казалось бы, аборт, планирование числа детей и времени их рождения — частное дело отдельной семьи. Но если большинство семей вынуждено прибегать именно к аборту в качестве средства регулирования рождаемости, в то время когда существуют эффективные и безопасные средства предупреждения беременности, то проблема выходит из числа внутрисемейных и становится социальной, и ее решение требует перестройки существующих общественных институтов, изменения социальной политики, то есть деятельности организованной и политической.

Может быть, проблема абортов возникла в СССР недавно, и существующая система медицинской помощи просто еще не успела ее решить? Или, может быть, советским женщинам аборт нравится больше, чем противозачаточные средства? Пусть на эти вопросы ответят сами женщины.

Передо мной выдержки из писем, полученных газетой «Саратовские известия» в 1925 году и журналом «Работница» в 1987 году, в ответ на статьи, по поводу проблемы абортов. Приведу наиболее характерные:

1. «Я всем своим существом против аборта, но что делать, кто укажет выход? У меня трое детей: 5 лет, 4 года и 6 месяцев, между вторым и третьим ребенком был аборт. Это кошмар всей моей жизни... Сейчас я каждый день ожидаю: вот-вот опять забеременею... Неужели правда, что когда-нибудь будет другая жизнь для женщины? Если она уже есть, то я радуюсь за тех женщин, которые пользуются ею».

Жена служащего, 1925 г.

1. После этих рассказов (о том, как делают аборт. —*А.А.*) я не только замуж, я вообще на мужчин не могу смотреть без ненависти.

Моя мама говорит: женщина несчастна уже потому, что она женщина».

г. Омск, Лена К., 1987 г.

2. «Раскрепощает ли аборт женщину? Нет, не наоборот ли?.. Правда, половой акт для большинства превратился в какой-то кошмар, женщина прибегает к всевозможным уловкам, чтобы оттянуть

время, но (проклятое но!) это тоже нельзя, а то муж уйдет к другой женщине... Кто укажет выход?»

Беспомощная, 1925 г.

2. «После всего пережитого (искусственного аборта. — *А.А.*) жена стала равнодушна к половой жизни, постоянно испытывает страх».

г. Калинин, А.Степанов, 1987 г.

3. «Все предохранительные средства находятся у «дам», а работница зачастую не имеет понятия о различных предохранениях. Что делать? Пусть наши профессора и врачи читают лекции в рабочих клубах чаще, дабы работница не была так далека от волнующего ее вопроса об аборте, дайте ей в руки средства к предупреждению зачатия».

Юшкина, 1925 г.

3. «Конкретно: у нас в Уфе их (противозачаточных средств. — *А.А.*) в продаже нет, даже самых элементарных. Ни в одной аптеке! Не хватало еще в Москву за этим ездить».

г. Уфа, А.Р., 1987 г.

«Откуда вообще молодым людям знать о жизни в браке?»

г. Горький, Л.Иванова, 1987 г.

«Не каждая женщина может прийти к врачу и сказать: «Я ничего не знаю. Научите меня как с мужем жить». Это же не о погоде поговорить».

г. Пенза, И.Л., 1987 г.

В данном случае эта перекличка через полвека помогает нам понять, что проблема аборта в СССР не нова и что огромное число абортов вовсе нельзя объяснить странным пристрастием советских женщин к этой неприятной операции. Приведенные выдержки отражают три основных аспекта проблемы: физический и моральный страх перед абортом, осложнения сексуальной жизни в связи с угрозой нежелательной беременности, отсутствие противозачаточных средств и информации о правилах пользования ими.

«Скажите, — спросит любой нормальный человек, — почему же ничего не сделано за эти 60 с лишним лет для того, чтобы решить эту проблему. Что, об этом ничего не знали или не могли додуматься, как найти выход из этого положения?» Должен ответить: «До недавнего времени о проблеме абортов в СССР знал лишь очень и очень ограниченный круг специалистов. А каждая семья предполагала (наверное?), что ее проблемы — это только ее проблемы. Ситуация усугублялась и тем, что секс, противозачатие и аборты исключались из круга вопросов, обсуждавшихся на страницах популярных изданий,

газет и журналов до самого последнего времени, хотя в истории нашей страны был период, когда эта тема вызывала живейший интерес самых широких слоев общества».

СССР был первой в мире страной, отменившей наказание женщины и врача за искусственный аборт. Это произошло в 1920 году, но в 1936 году аборт вновь был запрещен и опять легализован лишь в 1955. Эти даты сами по себе многое говорят тому, кто знаком с вехами политической истории нашей страны. Поэтому для того, чтобы найти корни сегодняшней проблемы планирования семьи, надо обратиться к истории, к первому десятилетию существования советского государства. Именно тогда сформировавшаяся структура власти, отразившись как в капле воды в механизме взаимодействия семьи и государства, привела к формированию ситуации, описанной выше.

В начале XX века в России, как и в других европейских странах, планирование семьи рассматривалось только в связи с вопросом о допустимости искусственного аборта с моральной и юридической точек зрения. На состоявшемся в 1913 году XXII съезде Общества русских врачей в память Н.И.Пирогова большинство участников высказалось за отмену запрещения искусственного аборта, что само по себе было знаменательным явлением. В резолюции съезда говорилось, что уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь места и врачи, производящие аборт по просьбе и настоянию матери, должны быть освобождены от уголовной ответственности.

Дебаты по вопросу об аборте на XII Пироговском съезде не прошли мимо внимания В.И.Ленина, откликнувшегося на них статьей «Рабочий класс и неомальтузианство», в которой он, может быть, впервые в мире, поставил проблему аборта в контекст вопроса о демократических гражданских правах. Если бы эта идея нашла дальнейшее развитие при формировании официальной концепции планирования семьи в нашей стране, все могло бы повернуться иначе. Но эта работа не имела должного резонанса.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Народный комиссариат юстиции потребовал у Наркомздрава разъяснения, в каком случае аборт надо считать преступлением, а в каком нет. Ответом на этот запрос было постановление Наркомздрава от 18 ноября 1920 года, отменявшее наказание за искусственный аборт, если он производится врачом в медицинском учреждении.

В период принятия этого постановления проблема аборта в России стояла крайне остро. Первая мировая и гражданская войны, разруха и голод, многочисленные эпидемии вызвали очень сильный рост числа искусственных абортов не только в городе, но и в деревне. Часто аборты делались знахарками и повитухами в антисанитарных условиях и варварскими методами, что серьезным образом отражалось на здоровье женщин, а иногда приводило и к трагической смерти.

Постановление 1920 года преследовало две цели. Во-первых: свести до минимума вред аборта для здоровья женщины, вырвать ее из рук деревенских абортмахеров и обеспечить возможность прервать нежелательную беременность в нормальных условиях медицинского учреждения. И во-вторых: вытащив аборт из подполья, наладить систематическое изучение этого нового социального явления, определить его причины и перспективы.

При принятии этого постановления предполагалось, что искусственный аборт, как и снижение рождаемости, обусловленные разрухой, последствиями войны, продовольственным и жилищным кризисом. Предполагалось, что семья хочет иметь детей как можно больше, но вынуждена ограничивать себя из-за очень плохих условий жизни. Что с преодолением последствий гражданской войны и разрухи, по мере улучшения условий жизни исчезнут причины для абортов, а рождаемость повысится.

Этот наивный подход, прямо связавший уменьшение рождаемости с ухудшением материальных условий жизни семьи, приведет в дальнейшем к краху всей работы, проделанной для решения проблемы планирования семьи в нашей стране. Этот подход основывался на здравомыслии обывателя, привыкшего любую социальную проблему объяснять личными трудностями. Он был понятен каждому и не требовал научного обоснования. Обратимся к почте 1925 года: «Женщина-мать, нравственно здоровая, для которой дети не обуза, а естественная потребность ее материнского инстинкта! Эта женщина идет на аборт, как на плаху, нет не идет: ее ведет палач-нужда». (разрядка наша. — *А.А.*). Эта выдержка из письма т.Макаренко показывает, как важнейшая социальная проблема может быть сведена к инстинктам, «естественным потребностям» и нужде, а ее решение может искаться на путях регламентации «материнского инстинкта» — запрети аборты, и инстинкт решит все проблемы.

А пока руководители Наркомздрава должны были констатировать, что принятие постановления об абортах не приводит к автоматическому решению проблем. При катастрофической нехватке коек в больницах вывести аборт из подполья оказалось сложнее, чем предполагалось.

С точки зрения здравого смысла решить проблемы можно и нужно было с помощью развертывания дополнительных коек в больницах и подготовки медицинского персонала. Но этот путь противоречил тезису о том, что сам аборт и снижение рождаемости — явления временные, которые вот-вот лишатся материальных оснований и исчезнут сами по себе.

Поэтому сложившаяся в начале 20-х годов авторитарно-бюрократическая машина управления принимает другое решение: начать постепенное ограничение доступности искусственного аборта. 3 ноября

1924 года издается постановление о создании абортных комиссий для выдачи разрешения на бесплатный искусственный аборт. При этом устанавливается порядок, согласно которому в первую очередь аборты разрешают делать безработным-одиночкам, затем одиночкам-работницам, имеющим одного ребенка, затем — многодетным, занятым на производстве, затем — многодетным женам рабочих, затем всем остальным категориям застрахованных и потом уже — всем остальным гражданам.

Создание абортных комиссий — знаменательное явление по двум причинам. Во-первых, они практически свели на нет признание права личности и семьи самим решать вопрос о том, сколько и когда иметь детей, то есть ликвидировали то «азбучное демократическое право гражданина и гражданки», которое призывал защищать В.И.Ленин в 1913 году. Теперь вопрос о числе детей и времени их рождения должна была решать комиссия, а не сама семья.

Во-вторых, установление очередности права на аборт окончательно закрепило тезис о том, что единственной причиной аборта могут быть неблагоприятные объективные условия и ни в коем случае не внутреннее состояние человека. Таким образом, сам искусственный аборт и рождаемость вообще были превращены в индикатор социального развития и уровня жизни, исходя из тех же соображений, что, чем выше уровень жизни, тем меньше абортов и выше рождаемость. Всякие соображения морального порядка устранялись вообще, а понятие гуманизма получало довольно неожиданную интерпретацию.

Вот как это отражалось в сознании людей (из письма домохозяйки С.З. в «Саратовские известия», 1925 год): «Самое радикальное средство пресечь аборты — это устройство сотен домов младенца и у с т а н о в и т ь н а к а з а н и е самое строгое за аборты.

Но пока э т а м е р а, хотя и крайне г у м а н н а я, не подойдет, т.к. у СССР нет средств на оборудование домов и, главное, на воспитание тех лишних 20% младенцев, которые неизбежно являются жильцами в детдомах. И потом, с увеличением народонаселения во что выльется борьба за существование, когда и сейчас она так обострена». (разрядка наша. — *А.А.*).

В целом создание абортных комиссий не столько облегчило, сколько усугубило ситуацию. Число регистрируемых абортов продолжало расти. По неполным данным, в 1924 году их было 131 572, из которых 37% — подпольных, в 1925 году абортов было уже 200 000 и из них 29% — подпольных. Хотя доля подпольных абортов и уменьшалась в целом, но происходило это крайне медленно, причем в основном за счет их уменьшения в уездных и губернских городах, в то время как в сельской местности по-прежнему более 40% всех зарегистрированных абортов начиналось вне стен медицинских учреждений, реально же их было гораздо больше.

Уже первые статистические данные об абортах, полученные в середине 20-х годов, показали, что к искусственному аборту прибегают отнюдь не те, кто находится в самом бедственном положении. В городах аборт в основном делают женщины в возрасте 20—29 лет, замужние, имеющие 1—2 детей, работающие или имеющие работающего мужа. В деревнях — это женщины 30—39 лет с 3—4 детьми. То есть и в городе и в селе это были те, кто должен был получать разрешение на аборт в последнюю или предпоследнюю очередь. Таким образом, абортные комиссии невольно стали фактором, тормозящим уменьшение криминальных абортов.

Деятельность комиссий, нарушавшая права граждан на планирование семьи, привела и к нарушению принципов социальной справедливости. Комиссии функционировали только в городах, поэтому представители бедных и средних слоев крестьян, которые не могли оторваться от работ, чтобы съездить в город, стали чаще обращаться к подпольным абортистам. А менее занятые зажиточные крестьянки вполне могли съездить в город за разрешением. Кроме того, определенные преимущества получили жены ответственных работников, которым врач не осмеливался отказать в операции. Например, в 1926 году среди абортировавшихся в сельской местности Одесского округа 80% были жены ответственных работников. Поэтому 17 марта 1925 года циркуляр Наркомздрава дал право участковым врачам самостоятельно решать вопрос о производстве аборта по медицинским и социальным показаниям.

Среди мотивов аборта на первом месте был недостаток материальных средств, на который указывало около половины обращавшихся, в то время как нежелание иметь детей отмечало только 13—15%. Учитывая очередность права на искусственный аборт, можно предположить, что женщины предпочитали указывать те мотивы, которые, по их мнению, должны повлиять на благоприятное решение комиссии. Таким образом, поддерживалась иллюзия временности причин искусственного аборта.

Рост числа абортов и перегрузка гинекологических больниц, многие из которых практически превратились в абортарии, способствовали продолжению политики ограничений и запретов в отношении искусственного аборта. 12 февраля 1926 года было дано разъяснение о том, что аборт после 3 месяцев беременности не разрешается, в том же году Наркомздрав запретил аборты при отсутствии важных жизненных медицинских показаний у первобеременных и ранее 6 месяцев после предыдущего аборта.

Ограничение доступности аборта сопровождалось оживленными научными дискуссиями, проходившими на страницах медицинских журналов и на конференциях научных обществ охраны материнства и младенчества и Акушерско-гинекологического. Участники дискуссий были едины в одном: аборты — это безусловное соци-

альное зло, наносящее вред здоровью женщин, поэтому с ними нужно бороться. Но в отношении выбора пути борьбы с абортами точки зрения делились.

Можно выделить две основные позиции, обозначившиеся в ходе дискуссий 20-х годов. Первую можно назвать прагматической, ее отстаивали Генс, Лебедева, Курдиновский, Окинчиц, Синебрюхов и др., полагавшие, что для борьбы с абортом необходимо сосредоточить усилия на более широком распространении противозачаточных средств. Они предлагали ориентировать женские консультации на оказание помощи по предупреждению нежелательной беременности или даже создать специальные консультации по предупреждению беременности — прообраз современной службы планирования семьи в ряде стран.

Прагматики организовывали первые социолого-демографические исследования распространенности различных методов контрацепции, особенностей грудного вскармливания, установок на число детей и проч. Благодаря их научной деятельности можно смело утверждать, что в 20-е годы СССР был мировым лидером изучения проблем планирования семьи. Среди их исследований в области противозачатия выделяется изобретение в 1926 году саратовским врачом С.Г.Быковым метода регулирования репродуктивной функции женщины с помощью вакуум-аспирации. В настоящее время этот метод получил широкое распространение во всем мире, но только лишь возрождается в нашей стране, где он был долгое время запрещен.

Прагматики видели перед собой конкретных людей и конкретные проблемы, которые и старались решить как можно проще и эффективнее. От теоретических проблем и обсуждения социальной стороны дела они, как правило, уходили. Отсутствие в их работах перспективного анализа общей тенденции рождаемости привело к тому, что они не могли объяснить, почему, несмотря на активизацию работы по распространению контрацепции, число абортов продолжает расти. А именно этот факт сводил на нет все аргументы в пользу противозачаточных средств, так как внешне казалось, что эта работа не дает никакого эффекта и потому — нецелесообразна.

Этим пользовались представители другой точки зрения, противники распространения контрацепции и они же сторонники законодательного ограничения искусственного аборта — Скробанский, Ульяновский, Карлин, Александров и др. Нетрудно понять, что сторонники запретов олицетворяли интерес набиравшего к концу 20-х годов значительную мощь бюрократического аппарата и командно-административных методов управления. Бюрократ по своей природе видит не реальное явление, а лишь его отражение в канцелярских документах, поэтому в его глазах социальная проблема превращается в канцелярскую и, следовательно, решается канцелярскими методами, то есть с помощью циркуляров, запретов и ограничений.

Один из главных идеологов этой бюрократической позиции профессор Скробанский однозначно сказал: «Можно ли бороться с абортом, пользуясь средствами, наносящими больший вред, чем аборт? (контрацепцией. — *А.А.*). Да и принесет ли такой метод какие-либо результаты в смысле уничтожения аборта? Я совершенно уверен в обратном. Мы не имеем права именно в настоящее время, во имя будущего блага страны, идти по линии наименьшего сопротивления. Во имя того же блага мы должны теперь поставить на обсуждение вопрос об аборте, который принял чудовищные формы, и о презервативах, виновниках прогрессирующего падения прироста населения и ухудшения его качества. В нашу обязанность входит также привлечение к этому вопросу самых широких масс, чтобы своевременно предотвратить грозящую нам катастрофу. И я верю, что разум человека победит». (цит. по: Блюменау Ф. Аборт и меры его предупреждения. М.-Л., 1930, с. 54).

«Разум», который имел в виду Скробанский, победил в 1936 году, когда искусственные аборты по желанию были окончательно запрещены.

Почему же прагматики проиграли? Ответ на этот вопрос можно получить, если анализировать явление планирования семьи в общем контексте бюрократизации советского государства в конце 20-х, начале 30-х годов и формирования тоталитарной системы власти.

Создание системы власти, основанной на объективной необходимости диктатуры пролетариата и представляющей рациональный тип легитимного господства, привело к гипертрофированному увеличению роли бюрократического аппарата управления, постепенному превращению рационального господства в харизматическое и развитию авторитаризма.

Запрет искусственного аборта был существенным шагом в наступлении бюрократии на самостоятельность отдельного гражданина. Ведь в условиях тоталитаризма признание всякого права личности на самостоятельную оценку условий и принятие решения, в том числе и по поводу планирования семьи, является подрывом авторитета харизматического лидера, а следовательно, покушением на устои — авторитаризм и иерархию институциональных форм власти. Каждый человек в своей деятельности должен руководствоваться командами сверху, а не решать свои проблемы самостоятельно и уж ни в коем случае не проявлять инициативы. А право на планирование семьи, как и право на аборт, было слишком широким полем проявления самостоятельности отдельной личности и семьи.

Помимо основной социальной причины запрета аборта — ущемления прав человека в тоталитарном обществе — был и другой повод: после проведения кампании по раскрестьяниванию на СССР обрушился голод, который привел к уменьшению темпов прироста населения, рассматривавшегося в то время уже как инструмент для дости-

жения политических целей. В связи с этим запрет абортов мог рассматриваться в качестве средства увеличения рождаемости.

Оправдательным мотивом запрещения стало как раз то, что, о чем мы уже говорили, искусственные аборты стали рассматриваться в качестве индикатора социального развития и уровня жизни. После того как Съезд Советов признал, что в СССР социализм в основном построен, можно было считать, что и объективная основа отказа от рождения ребенка исчезла. Это окончательно лишило абортные комиссии возможности признать какую-либо социальную мотивировку аборта.

Вот выдержка из еще одного письма в «Саратовские Известия» 1925 года: «И вот теперь, когда жизнь стала улучшаться, нам вдруг помешало следующее поколение. Долой аборт! Матери-пролетарки, восстаньте на защиту младенчества. Строже судите матерей-убийц!»

Деятельность абортных комиссий стала оцениваться в основном по отказам в разрешении аборта. При этом сама комиссия работала в очень сложных условиях, так как признание обоснованности социальной или экономической причины аборта могло получить политическую оценку со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому даже редкие случаи поддержки просьбы о разрешении аборта со стороны фабрично-заводских комитетов и других общественных организаций зачастую рассматривались как факты «оппортунизма».

Прекращение публикации статистических данных в 1930 году и запрет искусственных абортов без медицинских показаний в 1936-м нанесли существенный ущерб делу изучения проблем планирования семьи. Со страниц научных изданий постепенно исчезают фамилии авторов, активно изучавших социальные факторы аборта и контрацепции, а к 1955 году, когда производство искусственных абортов было разрешено вновь, они и их работы оказались совершенно забытыми.

На следующий год после запрещения абортов их число уменьшилось более чем в 3 раза в городе и более чем в 4 раза в сельской местности, но затем число зарегистрированных абортов начало вновь увеличиваться, при этом аборты по медицинским показаниям составляли менее от $1/10$ общего их числа.

Таким образом, была лишний раз подтверждена бесплодность запретительных мер в борьбе с абортами, но это подтверждение стоило достаточно дорого: когда в 1955 году запрет аборта был отменен, всю работу по его профилактике пришлось организовывать и начинать заново, а развитие теоретической концепции планирования семьи началось фактически с нуля, добросовестно повторяя весь тот путь, который был уже пройден с 1920 по 1930 год.

С 1936 по 1955 год наблюдалось резкое увеличение числа криминальных абортов, это привело к увеличению смертности женщин, росту гинекологической заболеваемости и бесплодия. Эти негативные

последствия запрещения аборта и очевидная безрезультатность запретительных мер и привели к его легализации 23 ноября 1955 года.

Положительные последствия разрешения аборта не замедлили сказаться. В 1961 году по сравнению с 1955 годом число женщин, умерших от аборта, уменьшилось в 2,5 раза. Резко уменьшилось число криминальных абортов: в 1959 г. в городах СССР их было только 20,9%.

Как и в 1920 году, постановление о легализации искусственного аборта 1955 года не решило проблему планирования семьи. Формально семье было предоставлено право самой решать вопрос о числе своих детей и времени их рождения, но существующая структура медицинской помощи предлагала лишь одну возможность для реализации этого права — искусственный аборт.

Провозглашение права самостоятельного решения вопроса о материнстве не подкреплялось мероприятиями по распространению информации, средств и медицинской помощи по регулированию рождаемости. Литература о противозачаточных средствах была и остается одной из самых дефицитных. Редкие брошюры о контрацептивных средствах раскупались за считанные часы, но все равно их было явно недостаточно. Медицинские институты не готовили специалистов по планированию семьи. А основным направлением борьбы с абортами было разъяснение вреда, наносимого этой операцией здоровью женщины. Не изучалась и оставалась неизвестной потребность населения в контрацептивных средствах. И основной причиной этому была бюрократизация и отчуждение системы здравоохранения от семьи.

В 1966 году Генеральный секретарь ООН обратился с Декларацией, подписанной главами 12 государств, включавшей следующее положение: «Мы верим, что большинство родителей желает получить знания и средства для планирования их семей... определять число своих детей и время их рождения — основное право человека». Впоследствии эта Декларация была подписана главами еще 18 государств, но Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин отказался поставить свою подпись, мотивируя это тем, что планирование семьи — это частное дело и не может быть объектом государственной политики. Поэтому именно в то время, когда большинство государств формировало свое отношение к рождаемости и планированию семьи в ходе парламентских и научных дебатов, СССР практически отказался от обсуждения вопроса об отношении между семьей и государством в связи с рождением или отказом от рождения детей.

Эта политическая акция вызвала затухание научного интереса к проблемам планирования семьи в СССР. И хотя спустя почти 20 лет советская делегация на Международной конференции по народонаселению в Мехико (1984 год) признала и подписала рекомендации конференции правительствам по поводу проблем рождаемости и планирования семьи, но это нисколько не отразилось ни на развитии служ-

бы охраны здоровья женщин и детей, ни на развитии социально-демографических исследований в СССР.

Не последнюю роль здесь играло и то, что общественность, ученые, а может быть и высшие эшелоны власти не были информированы о реальном положении дел с планированием семьи в СССР, и особенно в Европейском регионе. Публикация данных об искусственных абортах была запрещена по политическим мотивам еще в 1930 году, а после запрета абортов в 1936 году была разрушена и образцовая система статистической обработки этой информации. После того как искусственные аборты в СССР были разрешены вновь в 1955 году, разрешения на публикацию данных о них не последовало.

Таким образом, сложившаяся к тому времени мощная бюрократическая система управления здравоохранения убивала сразу двух зайцев. Во-первых, ограждала себя от возможности демократического и вообще какого бы то ни было внешнего контроля. И во-вторых, имея монополию на информацию путем ограничения доступа к ней радикально настроенных ученых и предоставляя ее апологетам административно-бюрократической системы, руководство Минздрава СССР обеспечивало возможность фабрикации не слишком добросовестных исследований, результаты которых подтверждали социальную эффективность его работы.

Конечно, не все аспекты планирования семьи были исключены из круга интересов ученых. 70-е и начало 80-х годов проходили под знаком нарастающего интереса к медико-клинической стороне регулирования рождаемости. Во многом благодаря активной деятельности профессора И.А. Мануиловой мы имеем определенный багаж научных представлений о перспективах и проблемах современной контрацепции.

Что же касается демографических и социальных аспектов планирования семьи, то представление о них в середине 80-х годов было более чем смутное. Мы имели данные весьма ограниченного числа выборочных исследований об абортах и использовании контрацепции, но, поскольку концепции их авторов существенно различались, а репрезентативность результатов была весьма и весьма сомнительной, целостной картины положения в стране и в отдельных регионах не было.

Публикация данных о числе абортов в СССР на многих произвела шоковое впечатление. Не только для журналистов и публицистов, но и для значительного числа ученых было неожиданным, что в СССР ежегодно производится около 7 млн. искусственных абортов, что каждый год более 10% женщин репродуктивного возраста (15—49 лет) обращается в медицинское учреждение для того, чтобы прервать беременность, а рожают детей только 8%. Оказалось что наши женщины очень мало используют противозачаточные средства, что этих средств не хватает, а те, которые есть, недостаточно эффективны и

удобны. Оказалось, что аборты у нас производятся в ужасных условиях, часто без обезболивания и соблюдения элементарных правил санитарии. Проблему уже нельзя было замолчать, и поэтому значительно обновленное руководство Минздрава СССР также стало демонстрировать свою заинтересованность в скорейшем решении проблемы абортов в СССР.

Но рассчитывать на быстрое решение этой проблемы не приходится не только из-за отсутствия научного анализа ситуации, но и из-за определенной инертности мышления, привыкшего рассматривать аборты и вообще планирование семьи как нечто случайное, несвойственное нашему обществу.

Нельзя сбрасывать со счетов и определенную оппозицию кардинальному решению проблемы абортов со стороны... акушеров-гинекологов. Дело в том, что после постановления 1955 года в стране постепенно сложилась целая индустрия по производству абортов, ориентировавшая женщину на аборт, а не на использование противозачаточных средств. Сейчас контакт между женщиной и акушером-гинекологом происходит только тогда, когда беременность наступила. Женщина приходит к врачу либо за направлением на аборт, либо, если она хочет родить, за постановкой на учет для последующего получения отпуска для родов. Но поскольку женщины гораздо чаще приходят за направлением на аборт, многие врачи уже просто привыкли к этой работе и перестроиться на другую им трудно. Не говоря уже о том, что производство абортов не требует от врача особой социальной активности, в то время как распространение контрацепции предполагает, что именно врач, как представитель системы здравоохранения, ищет контакт с пациентом.

«Из своего опыта знаю: прихожу вставать на учет по беременности, первый вопрос: будете делать аборт? Чуть ли не подталкивают...», — пишет С.Степанова (г. Ангрен в журнал «Работница» (1987 год). Ситуация типичная, и чтобы ее преодолеть, надо, чтобы врач был морально и материально заинтересован в распространении контрацепции, в том, чтобы у его пациенток не было нежелательных беременностей и абортов.

В настоящее время в мире накоплен почти тридцатилетний опыт решения проблем планирования семьи. Казалось бы, нужно лишь осмыслить его критически, выбрать то, что более всего подходит для нашей страны, и проблема абортов в СССР будет решена.

Это, на наш взгляд, единственно правильное решение, но... Есть одно «но». Это решение окажется эффективным только в том случае, если вся система здравоохранения будет поставлена под демократический контроль общественности. Когда реальные проблемы каждой семьи перестанут превращаться мощным бюрократическим аппаратом в проблемы канцелярские. Когда декларированная цель социализма — создание условий для всестороннего развития личности —

превратится в реальную задачу, решение которой будет обеспечиваться демократизацией общества и правовой защитой всех основных прав человека, в том числе и права на планирование семьи.

За долгие годы мы отвыкли решать свои проблемы сами. Сейчас происходит коренной поворот не только в социальном развитии нашего общества, но и в нашем сознании. Мы хотим знать наши проблемы, мы хотим сами их решать. Мы осознали простую истину: не только человек для государства, но и государство для человека. Это общее правило, и поэтому решение частной проблемы — проблемы планирования семьи — должно идти по пути повышения требований личности к обществу и к государству, призванному защищать интересы каждой семьи.

О.Воронина

Женский вопрос

Мне вспоминается одно из недавних телеинтервью с Майей Плисецкой. Личность яркая, талантливая, идущая в жизни своим, весьма нетрадиционным для женщины путем, Майя Михайловна вдруг на один из вопросов о роли женщины в обществе с какой-то резкостью и даже брезгливостью отозвалась о феминизме и «вообще обо всех этих разговорах о равноправии и эмансипации». То, что феминизм и эмансипация приобрели у нас в массовом сознании негативный, почти ругательный оттенок уже давно, к сожалению, меня не удивляет. Однако я все же испытываю некоторый шок, когда вполне эмансипированные женщины — балерины с мировым именем, академики, писательницы, менеджеры — высказываются аналогичным образом. Но что же стоит за этими оценками, почему они таковы? Почему в стране, одной из первых провозгласившей равноправие полов принципом социальной жизни, через семьдесят лет возникает столь негативное отношение к самой идее эмансипации женщины?

Мне кажется, что причины этого коренятся в самой практике «решения женского вопроса» у нас в стране и сопутствующей ей деформации понимания эмансипации. Процесс эмансипации женщин носит объективный характер, затрагивает практически все регионы мира и так или иначе трансформирует многие сферы жизни общества и его институты (ЮНЕСКО официально признала улучшение положения женщин одной из глобальных проблем современности). Самые общие, объективные, исторически закономерные причины эмансипации женщины связаны с социально-экономическим развитием общества. Феномен эмансипации и его осознание исторически обусловлено развитием капиталистического способа производства: активно и в массовом масштабе вовлекая женщин в процесс непосредственного общественного производства вне дома, капитализм фактически положил начало массовой «социализации» и раскрепощению женщин. Абстрактная способность человека трудиться, продавая свою рабочую силу, уравнивает мужчину и женщину на рынке труда в правах на совершение этой сделки. Но такое уравнение в правах — радикальный, революционный сдвиг во всей системе отношений женщины с обще-

том, что оно дает ей в свою очередь? И как чувствует себя женщина при этом, получает ли она радость и удовлетворение от своей жизни? Нет, говорю я, женщина как личность, не может реализовать себя, а отношения с миром полны напряженности и дискомфорта. У нас и речи не идет не только о праве и возможности личностной самореализации для женщины, но даже и о социально-экономическом равенстве женщин и мужчин. Более того, общество в целом и мужская его половина, в частности, во многом существуют за счет женщин. Выигрыш от этого для них — минимальный, так как транжиря физические и психические силы женщин на выполнение тяжелых или рутинных работ, они теряют значительно большее — Женщину.

Я не хочу быть голословной, поэтому давайте посмотрим, как обстоят дела в различных сферах жизни женщины, начав с производственной.

Сегодня 92% женщин нашей страны работает или учится. В 1986 г. 51% работавших в народном хозяйстве — женщины, причем почти половина из них была занята тяжелым ручным или слабо механизированным трудом (сельскохозяйственные рабочие, подсобные рабочие в промышленности, строительстве и на транспорте, маляры и штукатуры, продавцы и повара, складские рабочие, няни и сиделки, уборщицы и дворники — все это почти исключительно женщины (3). До сих пор около 4 миллионов женщин работает в условиях, которые вообще не соответствуют нормам охраны труда. С другой стороны, сами «нормы» установлены нередко по каким угодно, но только не медико-биологическим показаниям: например, действующая сегодня норма поднятия тяжестей в день для женщины — не более 7 тонн. Но часто и это — не предел. По данным, приводимым З.П.Пуховой, на «Уралхиммаше», например, при разгрузке химикатов работницы неоднократно в течение смены поднимают и перемещают груз от 25 до 50 кг, на отдельных участках общая масса груза, перемещаемого работницей за смену, достигает 10 тонн» (4). Нарушение в производственной практике действующего (более чем скромного) законодательства по охране труда женщин — факт повсеместно распространенный, и до сих пор ни один администратор не был привлечен к ответственности за нарушение соответствующих статей КЗОТа. Разумеется, в охране нуждается и здоровье мужчины, но в отношении женщины нужны особые меры, поскольку ее организм острее реагирует на неблагоприятные условия труда — поднятие тяжестей, шум, пыль, температурные колебания и т.д.; токсичные вещества интенсивнее накапливаются в женском организме по сравнению с мужским. Эти неблагоприятные факторы не только нарушают репродуктивную систему женщины, приводят к росту гинекологических заболеваний и патологии беременности и родов, но и ведут к функциональным расстройствам и патологическим состояниям женского организма. Острота этого вопроса станет особенно очевидной,

если мы вспомним, что на Всесоюзной конференции женщин (Москва, 1987 г.) практически все выступавшие производственницы говорили о существовании в их отраслях тяжелых условий труда женщин. Все это невольно наводит на мысль, что наша отсталая экономика до сих пор держится на дешевой женской рабочей силе, заменяющей дорогостоящие механизмы и автоматику на заводах, фабриках и особенно на полях и стройках.

Биологические особенности женского организма игнорируются и при проектировании и изготовлении орудий труда, которые делаются «для мужчин», без учета динамометрических и антропометрических данных женщин: молоток, стул, пульт управления делаются в расчете на работника-мужчину, а это приводит к излишним затратам физической и психической энергии женщин, снижает их работоспособность. Иными словами, женщины изначально ставятся в более тяжелые условия «зарабатывания на жизнь».

Что касается структуры профессиональной деятельности в целом, то можно сказать, что она стихийно воспроизводит стереотип «женского предназначения». Если женщины вовлекаются в «мужские» сферы занятости, то используются на физически тяжелой, монотонной, рутинной работе или непрестижных и малооплачиваемых местах, т.е. на «вторых» ролях. (Типичным и наглядным примером тому может служить любая телепередача — о политике, экономике, социальной жизни, в которой ведущим является мужчина, а женщины используются на телефонах, в качестве машинисток, счетчиков «голосов» и так далее.) Так называемые «женские» профессии сформировались путем вынесения на макроуровень традиционных женских занятий в рамках семьи. Подавляющая часть представительниц прекрасного пола работает в торговле и общественном питании (здесь они составляют 82% от числа работающих), здравоохранении и социальном обеспечении (81%), в сфере культурного обслуживания (73%), женщины составляют 75% учителей (5). Аналогичная ситуация в промышленности: женщины преобладают в таких ее отраслях, как легкая и пищевая, фармацевтическая, швейная, прядильная и т.д. Причем здесь много профессий и рабочих мест с вредными и тяжелыми условиями труда, а престиж и оплата труда невелики. Специалистам давно известно, что средний уровень зарплаты в «женских» отраслях промышленности приблизительно на 30% ниже среднего уровня зарплаты в «мужских» отраслях и на 25% ниже среднего по стране (6). Если зарплату в промышленности принять за 100%, то зарплата в торговле составит 71% от нее, в здравоохранении — 62%, в культуре — 55%. Не секрет, что последние три отрасли относятся к так называемым «женским», что же касается сложности труда и тяжести его условий, то вряд ли в этих последних отраслях занятости так уж легко чувствует себя врач с его нагрузкой, продавщица (с

нашими очередями и отсутствием механизации в магазине) или работник культуры.

Согласно расчетам Н.М.Римашевской и ее сотрудников (анализировались результаты исследования в 1985 г. в Таганроге), женщины получают в среднем на одну треть меньше, чем мужчины (составляемые группы были выравнены по уровню образования). Почти каждая третья женщина зарабатывала меньше 100 рублей в месяц, среди мужчин таких было всего 2%. Стереотипы профессий негативно работают в обществе: многие виды деятельности просто не рассматриваются мужчинами или женщинами как возможные сферы применения сил и знаний. Самый яркий пример этого — система воспитания, где в «376 специальностях, в той или иной степени связанных с воспитанием и образованием населения, преимущественно заняты женщины» (7). И сколько бы мы ни говорили о важности соблюдения равной пропорции среди учителей женщин и мужчин, до тех пор, пока профессия учителя будет считаться «женской» (то есть малопрестижной и малооплачиваемой), мужчины станут избегать ее. С другой стороны, многие престижные профессии представляются как «мужские» — дипломаты, журналисты-международники, политики — это все у нас исключительно мужчины. Здесь сегрегация по полу начинается уже на уровне образования: на многие специальности женщин просто не берут учиться, объясняя это их неспособностью овладеть в должной степени сложной профессией или «заботой» об их здоровье и благополучии. Что касается первого объяснения, то я даже не хочу утруждать себя и читателей доказательствами его вздорности — они очевидны; относительно же второго тоже все ясно: если женщина может быть военврачом или медсестрой в Афганистане (или на фронте), то почему она не может быть там же дипломатом или генералом? [Сильно сказано, я бы сказал даже, круто сказано. Министерствам обороны и иностранных дел стоит крепко призадуматься. — *Прим. ред.*] Вообще участие наших женщин в высших эшелонах власти, в принятии политических и государственных решений практически исключено. В составе Совета Министров СССР нет ни одной женщины, а в Норвегии их 44% среди членов кабинета министров (во главе с премьер-министром Гру Харлем Брундтланд), в Швеции — 38%, в Боливии — 14%, в Дании — 11%, на Филиппинах — 8% и т.д. И правящая Норвежская рабочая партия, и оппозиционная Социал-демократическая партия Дании использует систему квот, в соответствии с которой 40% всех кандидатов партии на выборах должны быть женщины. Во многих других политических партиях Европы также выдвигаются гарантированные квоты для кандидатов или даже лидеров партии.

Мы, правда, тоже долгое время гордились, что у нас в составе Верховного Совета 33% депутатов — женщины. Однако если исходить из идеи «осуществленного равенства» и численности женщин в населении страны — 53%, — то оснований для гордости оказывается не так уж много. А если вспомнить, сколь номинальной властью обладал сам Верховный Совет в застойные времена, то станет очевидным, что вряд ли стоит говорить об участии женщин (как, впрочем, и массы мужчин-депутатов) в процессе принятия политических решений и управления государством. Но мне хотелось бы обратить внимание на то, как разворачиваются события сегодня, когда возникла надежда на возможность реального участия народных депутатов в управлении страной. Женщины проигрывают даже по сравнению с застойными временами. Вместе с гарантированной квотой от «своей» организации — Комитета советских женщин — они добились менее 16% мест среди кандидатов в депутаты. А после выборов женщин среди депутатов станет еще меньше. У меня нет никаких сомнений, что из двух кандидатов — мужчины и женщины — почти в 100% выбор будет сделан в пользу мужчины. Это уверенность возникла у меня еще раньше, чем «Аргументы и факты» опубликовали данные социологического опроса избирателей о тех анкетных данных депутата, которые, с их точки зрения, являются наиболее предпочтительными (при прочих равных параметрах). Правда, половина опрошенных заявила, что для них не имеют значения пол, национальность, партийность. С другой стороны, «в числе наиболее желательных, начиная с самого важного, люди называли: мужчины...» (далее следует перечисление прочих достойных депутата качеств). Ну и, разумеется, одно из нежелательных качеств депутата в этом контексте — быть женщиной (8).

Аналогичная идеологическая подоплека просматривается и при анализе профессионального продвижения женщин. Абсолютно во всех сферах занятости (даже традиционно женских) основные командные позиции занимают мужчины. Здесь можно было бы привести развернутые выкладки по отраслям занятости, но мне представляется гораздо более убедительным доказательством профессиональной дискриминации женщин следующий факт: среди мужчин с высшим и средним специальным образованием руководителем того или иного ранга является каждый второй, среди женщин с аналогичным образованием — руководителей только 7%. При этом среди специалистов с высшим и средним специальным образованием 60% — это женщины.

Различия в профессиональном росте женщин и мужчин объясняются целым рядом обстоятельств, однако в основе их — различные требования, предъявляемые обществом к тем и другим в аналогичных обстоятельствах. Например, существует мнение, что профессиональный рост несовместим с «природными» женскими качествами (к которым обычно относят эмоциональность, пассивность, мягкость и т.д.). Таким образом, с самого начала женщине высказывается недоверие в сфере профессиональной деятельности: если женщина добилась успеха, это чаще всего объясняется везением, но не связывается с ее личными качествами. Неудачи в профессиональной деятельности, напро-

тив, обычно принято связывать с ее половой принадлежностью, с теми качествами, которые приписывают исключительно женщинам. Более того, специальные исследования показывают, что женщина, делающая карьеру, должна продемонстрировать «мужские» качества (рациональность, агрессивную активность, сильный и твердый характер) в гораздо большей степени, чем это требуется от мужчин. Но при этом она должна не потерять и «женственности», если не хочет прослыть «синим чулком». Деловая женщина должна быть и мужественным мужчиной и женственной женщиной одновременно, и, если это ей не удастся, она теряет в общественном мнении. Если же удается, то зарабатывает невроз от такого немыслимого балансирования между несовместимыми вещами. От деловых мужчин же такого личного героизма никто и не ожидает. Многие женщины сознательно отказываются от карьеры, понимая, что вряд ли справятся со столь противоречивыми экспектациями со стороны общества. Пикантность ситуации заключается и в том, что никто у нас специально не изучал вопрос о так называемом мужском и женском стилях руководства, о влиянии пола руководителя (и соответствующих социальных, психических, ценностных характеристик) на микроклимат и результаты деятельности коллектива. По сообщениям журнала «Эко», японцы в своих исследованиях этих проблем выявили, что в некоторых ситуациях женщины являются более предпочтительными руководителями, чем мужчины. У нас же процесс выдвижения на руководящую работу идет традиционно — мужчина всегда и везде считается более предпочтительной кандидатурой, чем женщина.

Фактором, объективно препятствующим профессиональному росту женщин, являются и ее семейные обязанности. Противоречие это разворачивается в двух плоскостях. С одной стороны, отрицательно сказывается на карьере глубоко укоренившееся в общественном сознании представление, что работа — это «не главное» в жизни женщины (в отличие от мужчины). Ей мол, незачем стремиться вверх по служебной лестнице, да и необходимыми для этого качествами она якобы не обладает. С другой стороны, сами семейные и материнские обязанности нередко воспринимаются как компрометирующее работающую женщину обстоятельство: какой из нее руководитель (да и вообще работник), если у нее семья и дети? То, что женщина в силу нашего патриархального мировоззрения и нашего чудовищного быта по рукам и ногам повязана стиркой, уборкой, готовкой, выставляется как объективная причина невозможности для нее быть хорошим руководителем. То есть ей изначально предписывается человеческая негодность и способность заниматься только бытом, а затем это же самое доказывается с помощью различных «объективных» данных.

Именно потому, что у нас считается, будто дети — это забота исключительно матери, ребенок (с его непременными болезнями) является «компрометирующим» женщину обстоятельством при приеме на

работу и профессиональном продвижении. Но ведь болезни наших детей — это прямое следствие плохого здравоохранения (и в первую очередь — акушерства и гинекологии), плохого детского питания, плохих жилищных условий, некачественных садов и ясель. Возлагать ответственность и вину за детские болезни на женщин и ограничивать под этим предлогом их профессиональный рост — нечистоплотная демагогия. Женщина, сидящая с детьми дома хоть до их совершеннолетия, не в состоянии полностью компенсировать последствия стафилококкового заражения ребенка в роддоме или уберечь его от гадкого питания в школе.

Семейные же обязанности мужчины никогда и никем не воспринимаются как нечто, могущее противоречить их работе и карьере: ни социум, ни семья, ни сам мужчина никогда не рассматривают даже возможность выбора мужчиной семейной деятельности в ущерб профессиональной.

Таким образом, отношение к женщине в сфере труда отнюдь не позволяет ей полностью раскрыть свои знания и умения, действовать с максимальной отдачей и получать удовлетворение от самореализации в этой сфере. Причем возникающие здесь вопросы не сводятся к тому, как эффективнее «вписать» женщину в производственный процесс, как ей сочетать труд и материнство. Проблема гораздо шире — надо изменить отношение общества к труду женщины и к самой работающей женщине. Основное противоречие положения женщин в сфере труда — это фактическое игнорирование биологических особенностей ее организма там, где по медико-гигиеническим основаниям эти особенности должны учитываться (охрана труда), и акцентирование «специфики женщины и ее предназначения» там, где речь идет о распределении власти и денег. Именно в этом последнем случае фактор пола выступает основанием идеологии социальной и интеллектуальной ограниченности женщины, ее дискриминации. Чудовищность этой ситуации не только в извращении сущности идеи равенства. Гораздо хуже то обстоятельство, что эта патриархальная, дискриминационная по отношению к женщине политика и выдается за эмансипацию и равенство! Отсюда — весь негативизм наших женщин по отношению к этим идеям. С другой стороны, здесь же и залог дальнейшего укрепления патриархального мировоззрения в нашем обществе: если эмансипация такова, что женщина должна стоять с ломом в руках, то не лучше ли ей от нее отказаться? (Вот что витает в последнее время в атмосфере многочисленных разговоров о женщине.) Разумеется, ответ для большинства будет однозначным — лучше. Но все дело в том, что то, что мы, советские женщины, имеем, столь же далеко от эмансипации, как наше общество — от социализма. Здесь произошли страшные извращения первоначальных идей и понятий.

Не менее важно для понимания реального положения женщины в обществе посмотреть и на то, как она чувствует себя в той сфере, которая до сих пор считается у нас сферой реализации «женского предназначения», — в семье.

Семья является институтом социального воспроизводства. Это значит, что общество кровно заинтересовано в развитии семьи и должно оказывать ей всемерную помощь созданием благоприятных условий для формирования и развития семьи (обеспечивать жильем, развивать социальную инфраструктуру, насыщать рынок потребительскими товарами и делать многое другое). Наша семья в полной мере испытывает на себе тяжесть игнорирования «человеческого фактора» при формировании внутренней социально-экономической политики. Противоречие между индивидуальной формой и социальным содержанием бытовых функций семьи в настоящее время особенно остро ощущается женщинами, поскольку семейные дела и обязанности продолжают считаться полем женской самореализации. Но если дом и быт и были испокон веков основными занятиями женщин, то, во-первых, женщины не занимались ничем более и, во-вторых, эти обязанности не ложились на плечи одной женщины, поскольку вся женско-детская часть многопоколенной патриархальной семьи занималась хозяйственными делами. В современной нуклеарной семье, фактически уже существующей в индустриальном обществе, действует прежний патриархальный стереотип — и вся тяжесть домашнего труда обрушивается на одну женщину — жену, мать, домохозяйку, работницу.

Сегодня для социологов стало любимым фактом, что в среднем по стране на ведение домашнего хозяйства женщины тратят около 40 часов в неделю (мужчины — в 2—3 раза меньше); таким образом, слова о двойной рабочей неделе для женщин — не фикция и не метафора. Физиологи труда давно относят ведение домашнего хозяйства к тяжелому физическому труду: таковы исследования ученых из Института физиологии труда Макса Планка в Дортмунде или итальянских специалистов, которые изучали западных домохозяек, работающих с применением современных технических средств. Что же можно сказать о наших соотечественницах, которые не всегда имеют возможность пользоваться горячей водой или газом?! А наши бесконечные очереди, состоящие на 80% из женщин? А после очереди — сумки, выворачивающие руки женщин? Наш отвратительный, чудовищный быт, лежащий на плечах женщин, самым разрушительным образом сказывается на женщине. Она «продолжает оставаться домашней рабыней.., ее давит, душит, отупляет мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею» — эти слова, сказанные семьдесят лет назад, продолжают сохранять актуальность (9).

Эти колоссальные физические и нервные перегрузки деформируют личность женщины, ее отношение к членам семьи — мужу, детям. Так, связи с ребенком «объективно-принудительно» редуцируются до обслуживающих. Из воспитателя души мать в значительной степени превращается в няньку, хлопочущую о «теле» (главная забота — накормить, напоить, обуть, одеть, полечить, а на общение с ребенком остается от 5 до 30 минут в день). Как можно в конце XX века всерьез утверждать, что истинно женское предназначение — служить домашнему очагу, подразумевая при этом только одно: женщина должна обслуживать семью! Низведение семьи до комбината бытового обслуживания, в котором практически нет места чувствам и духовному общению, а человеческой личности до обслуживающих функций — это дикость, варварство, каменный век! Даже идеально устроенный быт не обладает никакой собственной ценностью, его назначение — создавать комфортабельные условия для отдыха людей. Так справедливо ли отдавать женщину в жертву этому? Не лучше ли, гуманнее, эффективнее, наконец, создать общественный сервис, который высвободит время и силы для общения, творчества, развития — в том числе и в семье. Ценность семейного союза — не в котлете или выстиранной рубашке, а в том эмоционально-духовном климате, который возникает при общении; в том понимании, участии, эмоциональной поддержке, близости, которая рождается только — простите за высокопарность — при взаимодействии душ и сердец, а не в суровой борьбе за выживание.

Но самое удивительное, что, призывая женщин к очагу, никто всерьез не собирается возвращать туда даже тех из нас, кто этого действительно хочет. Кто или что заменит их на производстве? И на какие средства будет существовать женщина — на зарплату мужа? С детьми?! А если болезнь, смерть мужа или развод? У нас пособия на детей (да и то не на всех) и льготы матерям — одни из самых низких в развитых странах, и больше, как уверяют ответственные товарищи, мы пока дать не можем. Так о чем говорить?

Не давая женщине реально никаких шансов прожить, не работая на производстве, и посвятить себя семье и детям (что для некоторых будет возможностью реализовать себя как личность в семье), мы тем не менее постоянно воспроизводим патриархальный стереотип женского предназначения. Это приводит к деформации отношения к женщине и на работе, где ей отводится второстепенная роль, и дома, где все дела ложатся на плечи женщины, пусть даже и работающей.

Однако самое парадоксальное в этой ситуации — что престиж женщины, действительно идущей путем «предназначения», чрезвычайно низок в обществе. Ее домашний труд не только не оплачивается, он вообще трудом не считается (как тут не вспомнить ту бурю негодования, которую вызвал на одном из советско-американских телемостов «невинный» вопрос Познера к американкам, основная часть

которых была домохозяйками. «Кто из Вас не работает?», — спросил он, имея в виду — сидит дома. Американки, вполне доброжелательные до того, чуть его живьем не проглотили). У нас при оформлении пенсии по возрасту не работавшая в общественном секторе многодетная домохозяйка называется иждивенкой. Нередко многодетность вообще воспринимается окружением, а особенно властями, ведающими распределением немногих и небольших льгот для таких матерей, как неприличный поступок — об этом красноречиво свидетельствует поток писем в редакции от матерей.

Устраняясь от решения бытовых проблем, воспроизводя и поддерживая стереотип мелкого индивидуального домашнего хозяйства (и одновременно в массовом масштабе вовлекая женщин в процесс общественного производства), общество не только подвергает женщин колоссальным физическим и психическим перегрузкам и бесчеловечной эксплуатации, деформируя жизни и личность женщины, но и обкрадывает себя, нерационально используя силы и потенциал половины своих членов (у нас в стране на черновой и неквалифицированный труд в домашнем хозяйстве расходуется 275 млрд. человеко-часов в год, а на общественный — 240—250 млрд. человеко-часов, — см. 10).

С другой стороны, необходимо коренное изменение всей идеологии семьи. Это означает, на мой взгляд, изменение отношения общества к семье как к чему-то, представляющему интерес только для женщины с ее пресловутым предназначением и детей. Сравнение всей внутренней политики государства в отношении двух основных сфер жизни общества — семейной и производственной — приводит к убеждению в том, что первая всегда третировалась в пользу второй, ее интересами постоянно пренебрегали. Одновременно с этим идеология «семья — это дело женское» позволяла демагогически переложить ответственность за упущения социальной политики в сфере брака, семьи, детства на плечи «эмансипированной женщины, слишком увлекшейся работой и карьерой и забывшей о своем предназначении». Эта идеология приводит к тому, что мужчины «отлучаются» от семьи в «пользу» производства, которое в обыденном сознании считается их основным предназначением. Мужчина превращается, с одной стороны, в потребителя услуг, производимых женщиной в быту, а с другой — деформируются его эмоционально-межличностные отношения с членами семьи, в том числе с детьми. Все это самым разрушительным образом сказывается и на семье в целом, и на самом мужчине.

В переосмыслении нуждается и традиционный стереотип распределения семейных ролей: муж — глава семьи, осуществляющий общее руководство, жена — исполнитель и фактически отвечающий за все семейные дела ведомый. Семья, а стало быть, и участие в ее делах, так же нужны мужчине, как и женщине, поэтому необходимо развивать паритетные отношения, поровну делить права и обязанности. Кроме того, наша патриархальная ориентация на то, что воспитание детей — это исключительно женское занятие, уже давно вчерашний день в теориях общественного развития. Мир стремится избавиться от этих традиционных воззрений, которые равным образом не устраивают современных мужчин и женщин. Ведь мужчины так же нуждаются в глубоких и интенсивных контактах с детьми, как и женщины. И общество должно грамотно выстраивать социальную политику в отношении семьи. Во многих странах льготы, связанные с воспитанием детей, ориентированы не на женщину, а на семью в целом или непосредственно на ребенка (который с самого рождения считается полноценным членом общества, чьи права необходимо учитывать и охранять). Семья сама решает, кому сидеть с маленьким ребенком (матери или отцу), кто из них будет ухаживать за ним во время болезни, проводить отпуск или каникулы. Это лучше любых лозунгов помогает укрепить внутренние связи отца и ребенка, с одной стороны, и преодолеть негативное отношение на работе к женщине — все, и мужчины, и женщины, оказываются в равном положении.

Привязывание семьи к женщине (и наоборот) через идеологию женского предназначения позволяет государству устраняться от решения многих важных для семьи проблем — качественном развитии системы детского воспитания, здравоохранения, сервиса. Однако социальные выгоды от этого — мнимые.

Есть еще одна очень важная сфера, характеризующаяся в последнее время усилением дискриминационных по отношению к женщине настроений, — это сфера общественного сознания. Именно здесь женщина чаще всего оценивается как существо иное, чем мужчина, по своей природе, психологическим качествам, предназначению, возможностям, способностям. Нет нужды говорить, что, конечно же, все женские особенности оцениваются гораздо ниже мужских. Подобного рода идеологию в мире принято называть сексизмом, то есть дискриминацией по признаку пола. В изданной ЮНЕСКО книге «Долой стереотипы!» сексизм определяется как «позиция или действие, которые принижают, недооценивают или стереотипизируют людей по признаку пола» (11). Но именно этим и характеризуется отношение к женщине на уровне массового сознания. Примеров тому так много, что я рискнула бы превысить все возможные объемы отведенного мне листажа и читательского терпения, если бы стала всех их приводить здесь. Назову только самые общие тенденции.

Первая — это, конечно же, идеология различного предназначения женщин и мужчин, о чем, впрочем, достаточно сказано выше. Женщина — это домохозяйка, мужчина — творец. Следующий пассаж — все мужчины творцы, творцы — только мужчины (и не только прошлогодняя статья Ю.Кузнецова в «ЛГ» — см., но и нынешние предновогодние обозрения «людей года» на ТВ или в газетах прекрасно это продемонстрировали). «Деловая женщина» получает индульгенцию только в том случае, когда она, с одной стороны, достигает та-

мо утверждал, что «... самой важной для судеб страны и социализма формой творческого труда женщины является труд материнский» (13). Невольно вспоминается незабвенный автор идеологии «трех К» для женщин (дети, кухня, церковь), (т.е. Гитлер. — *Ред.*), но вот что общего с ним может быть у нас — не ясно. Другой пример из научной публикации: развитие у девочек «ориентации на профессиональную деятельность» (т.е. даже не на карьеру), «независимость суждений» расценивается как «привитие мужских особенностей характера», «значительное отклонение от обычного развития» (14) — и это в стране, где в течение многих десятилетий женщины поголовно «активно участвуют в общественном производстве».

С аналогичной, по существу патриархальной, позицией мы встречаемся в работах демографов, публицистов. Разумеется, авторы смотрят на проблему положения женщины каждый со своей колокольни: демографы озабочены повышением рождаемости любой ценой, публицисты — поисками «вечной женственности». Однако при всех различиях точек зрения их объединяет то, что сформированы они, так сказать, отражательным способом — правда, не от бытия, а от быта, и берут за основу некое особое предназначение прекрасного пола. Современная проповедь материнства как единственной для женщины формы творческого труда базируется на молчаливом признании того, что целью ее деятельности вне дома должен быть только приработок для семьи на второстепенных ролях. Консерватизм и ограниченность такого подхода очевидны.

Впрочем, сложившееся положение вряд ли могло быть иным. Ведь до сих пор теоретическая разработка практически сводится к комментированию текстом классиков в рамках истмата, к «пристегиванию» женской проблематики к семейной — в социологии, и к апологетике статус-кво (как бы ужасно оно ни было) в рамках идеологии и средствах массовой коммуникации. Мягко говоря, странность и нелепость подобной ситуации становится особенно очевидной, если вспомнить, что два из трех основных направлений современного феминизма (который мы до сих пор оцениваем по старинке отрицательно) отправным пунктом своих теоретических построений считают воззрения Маркса. Но в отличие от нашей общественной науки, теоретики этих движений не ограничились цитатно-комментаторским усвоением его наследия, а попытались распространить Марксов анализ на современную ситуацию.

Сегодня происходит переоценка многих явлений и процессов нашей жизни. Анализу и критике подвергается экономика, политическая и правовая система нашего общества, культура, практика национальных отношений и многое другое. И практически вне зоны внимания и критики до сих пор деформации в теории и практике социальных взаимоотношений полов, приведшие под лозунгом эмансипации и равноправия к усилению дискриминации женщин во всех сферах. Демократизация и гуманизация нашего общества предполагает создание равных возможностей для развития и личностной самореализации всех людей, независимо от их социального происхождения, возраста, национальности и пола. Пол не должен быть фактором социально-экономической дискриминации, то есть предписывания правил жизни, поведения, самочувствия в духе высказанной Фрейдом максимы: «Анатомия — это судьба». Подлинная гуманизация предполагает как раз преодоление этого веками господствовавшего над женщиной проклятия, эмансипацию всего общества, культуры от таких сексистских воззрений. Фактически это будет двусторонняя эмансипация — ведь и мужчины, все общество в целом в конечном счете больше проигрывают, чем выигрывают от подавления женщин. Пора вспомнить высказанные сто лет назад слова о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» (К.Маркс), и создать, наконец, реальную систему, гарантирующую возможность личностной самореализации в любой сфере жизни как мужчинам, так и женщинам.

Литература

1. Маркс К. Критика Готской программы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 9—32.
2. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М. Всерос. Центр. Исполн. Ком. Сов. Р.К. и К. Депутатов, 1919, 61 с.
3. Женщины в СССР, 1988. — М. — «Финансы и статистика», 1988, с.10.
4. Пухова З.П. Равные права, равное участие. — «Коммунист», 1987, N 10, с. 100.
5. Женщины в СССР... — Указ. соч., с. 8.
6. Сонин М.Я. Социально-экономические проблемы занятости женщин. — Изменение положения женщин и семья. М. ИСИ АН СССР, 1977, с. 25.
7. Юк З.М. Научно-технический прогресс и труд женщин. Минск, 1981, с. 138.
8. «Аргументы и факты», 1989, N 10, с. 2.
9. Ленин В.И. Великий почин. ПСС, т. 39, с. 23.
10. Актуальные вопросы семьи и воспитания. Вильнюс, 1983, с. 64.
11. Мишель А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в книгах для детей и школьных учебниках. Париж, ЮНЕСКО, 1986, 121 с.
12. Раш К. Всех царств дороже. — «Правда», 22 февраля 1989 г. с. 3.
13. Харчев А.Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа. — «Социологические исследования», 1986, N 3, с. 33.
14. Социол. исслед., 1987, N 4, с. 83.

По прогнозным оценкам, к 2010 году население среднеазиатского региона значительно увеличится. По существу, будет создан второй среднеазиатский регион. Высокие темпы роста населения, предполагаемые в перспективе, и необходимость создания качественно новых социально-экономических условий с особой актуальностью выдвигают проблемы роста населения и трудовых ресурсов в республиках Средней Азии в число наиважнейших общесоюзных проблем. Во многом их положительное решение связано с совершенствованием структурной и инвестиционной политики, размещения производительных сил, научно-технической политики, улучшением экологической обстановки в регионе, обусловленной острым дефицитом воды, значительным ее загрязнением, снижением плодородия почв, интенсивной химизацией сельского хозяйства и др.

Реализация социальной программы партии — сложный и многогранный процесс, на этом пути стоят многочисленные трудности. Однако есть основание говорить и о некоторых положительных сдвигах в социальной сфере. Они обеспечены в первую очередь политикой демократизации, гласности, открытости, оздоровлением нравственного климата, повышением общественной активности. Но это еще только начало. Сложность периода, по словам М.С. Горбачева, состоит в том, что «преобразования будут затрагивать интересы все большей массы людей, социальных групп и слоев». Определенное усиление сопротивления консервативных групп требует настойчивой, целеустремленной борьбы по реализации намеченных целей и задач. Успех в их решении зависит от энергии, целеустремленности, инициативы каждого советского человека, от его уверенности в конечных результатах перестройки.

А. Алексеев

«Нечерноземный Чернобыль»?

«Что же я увидел в этом огромном районе в самом центре России? Запустение и умирание наших деревень. Нет детей. Нет молодежи. Везде какое-то безмолвие. Впечатление такое, как будто здесь случилось что-то страшное, что-то похожее на огромный Чернобыль. Нечерноземный Чернобыль!» [«Правда», 1988, 22 октября.]

Эти строки из письма в «Правду», возможно шокирующие читателя, в целом довольно точно передают восприятие общественным мнением проблем среднерусской деревни. В последние два-три года на страницы газет и журналов наконец выплеснулось то, что существовало раньше лишь в частных разговорах «не для печати».

Самое сильное эмоциональное воздействие на общественное мнение, несомненно, оказывает *обезлюдение* сельской местности. По темпам сокращения сельского населения Нечерноземье значительно опережает другие районы. Если все сельское население СССР за 1926—1986 гг. уменьшилось на 20%, то в Нечерноземье — почти втрое. В отдельных областях сокращение было гораздо большим: в Смоленской, Калининской, Псковской областях — впятеро.

Сокращение общей численности населения происходит прежде всего за счет мелких деревень, многие из которых исчезают с лица земли. За 1959—1979 гг. исчезло 60 тыс. деревень — около 1/3 сельских поселений Нечерноземья (по 8 деревень в день!). Во многих деревнях остались одни старики, значит, и эти деревни в ближайшей перспективе исчезнут. Это влечет за собой и забрасывание сельхозугодий, прилегающих к этим поселениям. С 30-х годов площадь пашни в Нечерноземье сократилась примерно на 10%, а сенокосов и пастбищ — почти в 1,5—2 раза.

Восприятие всех этих процессов общественным мнением — однозначно негативно. «Село перед пропастью». «Требуются чрезвычайные меры для спасения деревни». «Срочно создать программу помощи престарелым». Эти и другие высказывания часто можно встретить в печати. Сам термин «Нечерноземье» уже стал почти нарицательным: об отсталых районах Ростовской области говорят: это «донское Нечерноземье». [«Правда», 1988, 22 марта.]

Как же произошло, что название этого района — сердца России, исторического ядра Русского государства — стало синонимом отсталости, запущения и даже безысходности?

Чтобы разобраться в этом, необходимо вначале вспомнить общие причины бедственного положения деревни в нашей стране.

Взаимоотношения города и деревни недавно были образно охарактеризованы сельским врачом, хорошо знакомым с деревней Нечерноземья: «Десятилетиями мы брали у деревни почти все, что она могла дать. Силой и уговорами, форсированными преобразованиями и обещаниями лучшей жизни, а в последнее время — изобильными потоками обесцененных денег. Деревня отдавала молоко, мясо, хлеб в обмен на дорогие, но некачественные промышленные изделия и эшелоны водки, отдавала лучшую часть молодежи и нередко получала карьеристов-временщиков и некомпетентных специалистов, отдавала плодородную пашню, а получала засоленную почву и загрязненную атмосферу, обмелевшие реки и погибающие леса». [«Коммунист», 1988, № 15, с. 51.]

Читать это очень непривычно (лет пять назад даже в кошмарном сне не могло привидеться, что такое будет напечатано в «теоретическом и политическом журнале ЦК КПСС»!), но, когда проходит первый шок, видишь, что в принципе здесь все верно: действительно, наше общество в значительной степени развивалось именно за счет изъятия средств у деревни.

По подсчетам специалистов, за первые шесть десятилетий Советской власти объем инвестиций в непроизводственную сферу на одного горожанина в сумме был в 11 раз больше, чем на сельского жителя. [Развитие сети опорных центров расселения РСФСР. М., 1979, с. 81.] Цены, по которым продукция колхозов заготавливалась государством, долгое время были чисто символическими: в начале 50-х годов они возмещали лишь одну десятую затрат колхозов на производство зерна, одну двадцатую — мяса, одну пятую — молока. [«Коммунист», 1988, № 1, с. 103.]

Почему общие для советской деревни беды в наибольшей степени затронули именно Нечерноземье? Специалисты обращают внимание на то, что механизация сельского хозяйства в зоне проходила медленными темпами, поскольку условия для нее были гораздо менее благоприятны, чем в южных степных районах, а значимость ее для зоны была недооценена. В результате рост производительности труда не компенсировал сокращения числа занятых.

И неблагоприятные условия для механизации, и относительно низкая доходность хозяйства (на почвах, гораздо менее плодородных, чем южных районах) в свою очередь объясняются в значительной степени *характером природных условий* этой территории. Подзолистые почвы могли использоваться постоянно лишь при условии внесения большого количества органических удобрений, это территориально привязывало фермы к пашне. А сама пашня (как и естественные кормовые угодья) располагалась весьма дисперсно, небольшими участками среди леса, болот и кустарников. Такая территориальная структура землепользования в большинстве случаев сохранилась и до наших дней.

Понятно, что для эксплуатации территориально разбросанных сельхозугодий требовалось и столь же рассредоточенное расселение — относительно густая (со средним расстоянием между поселениям в 2—3 км) сеть мелких населенных пунктов. Именно такое расселение, сформировавшееся в зоне уже к XVIII—XIX вв., обеспечивало наиболее эффективное использование земельных ресурсов.

Каждый из этих небольших населенных пунктов был в определенном смысле «замкнутой системой»: его жители обрабатывали расположенные вокруг участки пашни, пасли скот на ближайших пастбищах, заготавливали сено на сенокосах и вывозили навоз на пашню. В ходе коллективизации почти в каждом таком селе или в нескольких соседних создавались колхозы. И пока они были небольшими, даже при ломке производственных отношений, территориальная структура сельского хозяйства практически не менялась.

Коренные изменения произошли в результате укрупнения колхозов (что часто сопровождалось их преобразованием в совхозы). В пятидесятых годах число колхозов в стране уменьшилось с 254 тыс. до 44 тыс., а площадь пашни среднего колхоза увеличилась впятеро. Сложившаяся административно-командная система управления не допускала самостоятельности работника: действия каждого колхозника должны были определяться «из центра», хотя бы из центра колхоза. Укрупнение хозяйств усугубило управленческий хаос.

Важнее другое: жители малого поселения, видя, что их землей да и всей их жизнью распоряжаются «из центра» и туда же идет все заработанное ими, все в большей мере отчуждаются от своего труда, все меньше чувствуя себя хозяевами своей земли. Можно сказать, что здесь на микроуровне проявились те же явления, что привели сейчас прибалтийские республики к требованию «республиканского хозрасчета», к желанию изменить ситуацию, когда все произведенное идет в центр, который затем по своему усмотрению что-то выделяет.

Но, конечно, не изменение территориальной структуры управления явилось главной причиной бедственного положения сельского хозяйства Нечерноземья. Корни отчуждения крестьян от земли следует искать прежде всего в насильственной коллективизации, в результате которой, по словам С.А. Никольского, «лозунг «земля — тем, кто ее обрабатывает» лишился своего первоначального содержания: власть над землей перешла в руки партийно-государственного административно-бюрократического аппарата, а крестьянин превращен сначала в крепостного, а впоследствии в наемного рабочего». [«Вопросы философии», 1988, № 12, с. 93.]

Крайне низкая оплата труда в колхозе (а порой и никакой оплаты) подрывала основы заинтересованности в этом труде. Чтобы заставить крестьянина работать в колхозе, была вначале введена уголовная ответственность за «уклонение от работы» в общественном хозяйстве, а позже за это лишали приусадебного участка (с которого крестьянин только и мог прокормиться). Понятно, что в таких условиях труд в колхозе не мог быть производительным. Вначале, видимо, выработанная ранее у вчерашних «единоличников» привычка к крестьянскому труду еще как-то спасала: человек не мог трудиться очень уж плохо. О дальнейших событиях так пишет М.Л. Бронштейн: «Можно человеку недоплачивать, антистимулировать его труд, а он работает, можно продолжать линию антистимулирования, а он, бедолага, все равно работает, но наступает момент — количество переходит в качество, он перестает работать, и тогда его уже почти никакими силами к работе не вернуть. Так произошло с нашей деревней». [«Коммунист», 1988, № 11, с. 21.]

Перелому в отношении к труду, видимо, способствовала смена поколений. Для людей, сформировавшихся в условиях единоличного крестьянского хозяйства, постоянный добросовестный труд был нормой жизни. А колхозам уже было явно не под силу сформировать таких же работников. Наши публицисты, отмечая вопиющие факты безхозяйственности в 60 — 80-е годы, часто писали: «Крестьянин никогда бы не допустил, чтобы лен (овощи, картошка и т.д.) ушли под снег!». Но отсюда следует логический вывод: значит, именно колхозный строй (в его реальном, а не «теоретически чистом» виде) выработал привычку к бесхозяйственности, деформировал сознание крестьян, привел к их отчуждению от своего труда.

Причем в последнее время это порой стало проявляться и по отношению к личному подсобному хозяйству, и даже — к домашнему хозяйству, к обустройству своего дома (который, правда, чаще всего уже не «свой», а колхозный). Отношение ко всему окружающему как «не своему» сказалось и на природе: забота о реках, прудах, окружающих деревню лесах и т.д. становится все менее привычной для сельского жителя. Приходится с грустью констатировать, что нынешний сельский житель Центральной России по сравнению с крестьянином 20-х годов менее добросовестен, менее активен (и в производственном, и в социальном плане), более подвержен пьянству и т.д. — об этом, например, много пишет Иван Васильев.

Собственно говоря, этого и следовало ожидать. Сложившаяся система управления оставляла крестьянину лишь функцию *исполнителя* «руководящих указаний». Активность свою он мог проявлять только в колхозном производстве, но мог и не проявлять, ничего в его жизни не менялось.

Одним из результатов этого явился отток наиболее активных личностей в города (не говоря уже о массовой высылке наиболее умелых

хозяев при «уничтожении кулачества как класса»). Поэтому и доля «изначально активных граждан» в селе гораздо меньше. Один из подмосковных сельскохозяйственных кооперативов даже принимает на работу только горожан: сельским жителям «все надо подробно объяснять, они отвыкли принимать самостоятельные решения».

В социальной истории советской деревни особое место занимает концепция «агрогорода» и ее естественная составная часть — обоснование «сселения неперспективных деревень». Про агрогорода в 50—60-е гг. было написано так много, что это даже ввело в заблуждение крупных французских географов Жаклин Божё-Горнье и Жоржа Шабо. В своей книге «Очерки географии городов» (1964) в качестве одного из десяти типов городов мира(!) они выделяют «агрогорода, которые намечается создать в СССР в качестве местожительства земледельцев», и приводят пример строительства «современного комфортабельного многоэтажного города для тружеников села» (в Московской области). В вводной статье к русскому переводу этой книги В.В. Покшишевский вынужден был отметить, что авторы «явно преувеличивают тенденции создания агрогородов в СССР».

Кампания по созданию «агрогородов» приобрела столь большой размах благодаря личному участию Н.С.Хрущева. Как вспоминает А.Аджубей [«Знамя», 1988, № 7, с. 87], в 1951 г. Хрущев выступил в «Правде» со статьей о положении дел в подмосковной деревне (он в ту пору был первым секретарем Московского комитета партии). Хрущев предлагал провести укрупнение колхозов и начать строительство современных благоустроенных поселков — своего рода «агрогородков».

Сталин отрицательно отнесся к этой идее, и вскоре на XIX съезде партии в 1952 г. Маленков, выступавший с отчетным докладом ЦК, сказал: «Отдельные наши руководящие работники, особенно в связи с проведением укрупнения мелких колхозов, допускали неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства. Они предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, пустить все старые колхозные постройки и дома колхозников на слом и создать на новых местах крупные «колхозные поселки», «колхозные города», «агрогорода», рассматривая это как важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забыли о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах». [М а л е н к о в Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., «Правда», 1952, с. 43—44.]

Эти высказывания вызывают сейчас двойственное отношение. С одной стороны, с высоты прошедших лет ясно, что ничего хорошего в «массовом сселении» быть не могло (на это не хватило ресурсов и

20—25 лет спустя!). С другой стороны, понятно, что в основе возражений против строительства «агрогородов» лежали прежде всего экономические требования к сельскому хозяйству, откуда национальный доход должен был перекачиваться в промышленность, не изменяя условий жизни сельского населения. В ряду негативных явлений Маленков отмечал и «практику создания подсобных предприятий по производству кирпича, черепицы и других промышленных изделий», что «отвлекает колхозы и совхозы от решения задач производства сельскохозяйственной продукции и является тормозом в развитии сельского хозяйства».

После смерти Сталина была коренным образом изменена аграрная политика. Резко увеличились капиталовложения в сельское хозяйство, повысились закупочные цены, выросли денежные доходы колхозников. На XX съезде КПСС Н.С.Хрущев отмечал, что важной задачей является улучшение жилищно-бытовых условий колхозников, строительство на селе учреждений обслуживания, развитие производства стройматериалов, в том числе кирпича и черепицы. [Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., «Правда», 1956, с. 78—79.] Еще более радикальные задачи были поставлены в третьей Программе КПСС, принятой в 1961 г.: «Постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским». Отмечалось также, что «личное подсобное хозяйство постепенно себя изживает экономически», поскольку станет возможным все потребности колхозников удовлетворять за счет общественного хозяйства. [Программа КПСС. М., «Правда», 1961, с. 85, 83.]

Тезис о преобразовании *сельских* поселений в населенные пункты *городского* типа возник из благих побуждений: отставание села от города по условиям жизни было так велико, что, казалось, все усилия надо сосредоточить именно на том, чтобы *догнать* город, «превратить деревню в город». Стирание различий между городом и селом предполагалось путем уничтожения деревни, превращения ее в город.

Сейчас уже понятно, что эти прожекты (как и многие другие) оказались экономически не обоснованными. За столь короткий срок (1961—1980 гг.) невозможно было коренным образом перестроить формировавшееся веками сельское расселение, прежде всего из-за нехватки ресурсов.

По расчетам, полная реконструкция расселения в одном хозяйстве Нечерноземья стоила около 5 млн. руб. (только на непроизводственное строительство!), т.е. для 10 тыс. хозяйств зоны — около 50 млрд. руб. При тех капиталовложениях, которые составляли

в 70-е годы около 1 млрд. руб. ежегодно, окончания реконструкции расселения надо было бы ждать лет через пятьдесят. [«Вопросы экономики», 1974, № 10.]

Но дело не только в нехватке ресурсов. Ориентация на укрупнение населенных пунктов противоречила требованиям сельскохозяйственного производства (которое в условиях неразвитой дорожной сети нуждалось в рассредоточении поселений, приближении их к сельскохозяйственным угодьям), а ориентация на «городскую» застройку села многоэтажными домами без приусадебных участков и т.д. входила в противоречие с традиционным образом жизни населения и с необходимостью ведения личного подсобного хозяйства. (Которое, увы, не «изжило себя экономически», а продолжает оставаться для большинства сельских семей основным источником продуктов питания.)

Сельское поселение с городской застройкой (часто — стандартной пятиэтажной) представляет собой довольно странное зрелище: городской микрорайон, «вырванный» из общей ткани города, лишенный необходимых элементов городской жизни (широкого выбора мест приложения труда, благоустройства, разнообразия услуг и т.д.), в то же время лишен и традиционных преимуществ сельского образа жизни (изолированности жилья, просторных хозяйственных помещений, земельного участка при доме и др.) и в итоге не может быть привлекательным ни для большинства сельских жителей, ни для горожан, желающих переехать в деревню.

Попытки «сселения» жителей «неперспективных» поселков особенно активизировались после принятия в 1974 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны. В нем было предусмотрено развивать лишь 29 тыс. сельских поселений зоны (из 143 тыс.), а жителей остальных — постепенно переселить в центральные поселки хозяйств. На практике последние не могли принять сколько-нибудь значительную часть переселенцев, поскольку жилищное строительство в них велось относительно небольшое, не говоря уже о том, что подавляющее большинство жителей «неперспективных» деревень предпочитало уезжать в города.

Пропаганда «неперспективности», несомненно, усилила миграцию из малых деревень. Дело в том, что в объективно неблагоприятных условиях жизни (по сравнению с крупными селами и с городами) именно особенности сознания населения — привязанность к родному селу, нежелание менять привычный уклад жизни — играют определяющую роль в стабилизации населения. Если же село объявляется неперспективным, то, по словам В. Беленького, «жизнь в нем превращается в ожидание предстоящего переселения, сроки которого для отдельно взятой семьи весьма неопределенны», ломается уклад жизни, исчезает его устойчивость и в итоге подрываются психологические корни привязанности к родному очагу.

Кампания по «сселению» нанесла Нечерноземью гораздо больший ущерб, чем другим сельским районам, поскольку здесь доля мелких поселений была максимальной (не считая Прибалтики, где положение было гораздо лучше вследствие густой сети дорог и хорошей доступности городов). В центральных усадьбах хозяйств (которые прежде всего относились к «перспективным») во многих областях Нечерноземья проживало 20—30% населения, тогда как в южных степных районах — 60—70%. Таким образом, в Нечерноземье часто сельские жители с удивлением обнаруживали, что они живут в поселениях, предназначенных «под снос».

Другой кампанией, дорого обошедшейся сельскому хозяйству всей страны, и особенно Нечерноземью, было массовое увлечение строительством крупных животноводческих комплексов и ликвидация малых ферм как «экономически неэффективных». В 1968 г. тогдашний вице-премьер, председатель Госстроя СССР И.Т. Новиков так говорил об этом: «Подтверждено практикой, что нельзя строить мелкие животноводческие помещения, например на 50—150 и даже на 200 голов крупного рогатого скота, а надо строить на 400—600 голов и более (примерно до 1800 голов). При этом получаются оптимальные размеры ферм, а капиталовложения даже сокращаются». [Переустройство..., 1969, с. 20.]

Естественно, что «оптимальность» при этом оценивалась лишь с точки зрения строителей (которым действительно проще построить один коровник на 1200 голов, чем 12 по 100 голов), а не работников сельского хозяйства, мнение которых никого особенно не интересовало, — ведь строительство комплексов чаще всего осуществлялось за счет госбюджета (или за счет кредитов, которые затем «списывались»), т.е. за «ничьи» деньги. Правда, часть руководителей сельского хозяйства выступала за комплексы, поскольку считалось само собой разумеющимся, что только с их помощью можно кардинально улучшить условия труда в животноводстве, а на малых фермах, дескать, механизация в принципе невозможна — для них и оборудования никакого не выпускают (при этом вполне возможно, что осваивать выпуск такого оборудования промышленность не хотела именно под предлогом ожидавшейся ликвидации малых ферм).

Читатель, хотя бы немного знакомый с сельским хозяйством, может задать недоуменный вопрос: можно ли в принципе, без учета конкретных условий, решать, что лучше — крупные или малые фермы? Ведь в разных условиях могут быть эффективнее и одни, и другие, и их различные сочетания... Это, конечно, верно, но особенностью всех кампаний в советском сельском хозяйстве была именно *всеобщность* рекомендаций-приказов. Если внедрять кукурузу, то уж от Черного до Белого моря, если укрупнять колхозы, то тоже по всей стране, и т.д. Видимо, это особенность административно-командной системы — все регламентировать «сверху», не допуская никакой инициативы. Потому и комплексы стали строить везде — не только на юге, где они соответствовали местным условиям, но и в лесной зоне, где собранный в одно место скот оставался без пастбищ и кормовой базы. В результате гигантские капиталовложения не только не давали отдачи, но даже приводили к снижению производства.

И укрупнение колхозов, создание агрогородов, и строительство суперкомплексов — все это можно считать различными проявлениями гигантомании. Историку еще предстоит выяснить причины столь явного тяготения к «крупным формам»; для нас сейчас важно отметить, что в наибольшей степени это противоречило местным условиям именно в районах с мозаичной структурой ландшафта, дисперсным землепользованием и мелкоселенностью; и именно в этих районах вред от такого «уклона» был наибольший.

Помимо специфики природных условий, ситуация в Нечерноземье усугублялась особенностями социально-географического положения и исторического развития этого региона. Здесь находятся крупнейшие городские агломерации СССР — Московская и Ленинградская, десятки других больших городов. Это наиболее урбанизированный район России, для которого издавна были характерны тесные связи между селом и городом: «отход» на заработки в города, массовое переселение из села в город в период коллективизации и индустриализации и т.д. В результате степень информированности сельского населения о городской жизни очень высока: чуть ли не у каждого есть в крупном городе родственник либо односельчанин. И система ценностей сельского населения — уже в значительной степени городская. В результате условия жизни в селе здесь получают гораздо более низкие оценки, чем в других районах.

Например, по результатам опросов общественного мнения, проведенного газетой «Известия», степень механизации ферм неудовлетворительно оценивают в Нечерноземье 42% опрошенных, а в других районах (Украина, Северный Кавказ, Грузия и Молдавия) — 17%, режимы труда в животноводстве — соответственно 28 и 12%. Еще больше разница в отношении к социально-бытовым условиям. Дороги, жилье, торговлю, общественное питание, бытовое обслуживание, условия для отдыха в Нечерноземье неудовлетворительно оценивают 30—65% опрошенных, а в других районах — 17—47%. [«Известия», 1986, 4 июля.]

Разрыв в оценках здесь, несомненно, связан не только с отставанием Нечерноземья (что не всегда наблюдается), но и с различной шкалой оценок — с более развитыми потребностями населения.

Такая особенность восприятия хорошо описана К. Марксом: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины. Те-

перь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с процессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или в еще большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно». [М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 6, с. 446.]

Именно так и чувствуют себя сельские жители Нечерноземья. С одной стороны — Москва и Ленинград с лучшим снабжением, благоустроенным жильем, самым широким набором услуг и мест приложения труда. С другой стороны — мелкие деревни, часто удаленные друг от друга и городских центров, в большинстве своем лишенные учреждений обслуживания, с неблагоустроенным жильем, плохими условиями труда; основные продукты питания (мясо, молоко, картофель, овощи, фрукты) здесь нужно производить самим, в личном подсобном хозяйстве: в сельских магазинах этого не бывает, а колхозам запрещено «разбазаривать» свою продукцию — она должна сдаваться государству. Это один из основных сельских парадоксов (по выражению Геннадия Лисичкина): работник, производящий мясо и молоко на крупной ферме, сам не может их приобрести и вынужден производить их кустарно, с гораздо большими затратами труда в своем мелком подсобном хозяйстве.

Проблема территориальных социальных различий в последнее время, как мне кажется, выходит на передний план, а ее восприятие населением обостряется. «Переезжаешь границу Московской области — и как будто попадаешь в другую страну», — говорит председатель колхоза из Калининской области. Действительно, в сельское хозяйство столичной области долгое время вкладывалось гораздо больше капиталовложений, чем в другие регионы. В результате по фондовооруженности, благоустройству жилищ, по развитию дорожной сети и учреждений обслуживания Московская область (и в несколько меньшей степени Ленинградская) существенно обогнала остальные. В результате сельское население зоны все более концентрируется в двух «столичных» областях, что происходит на фоне быстрого сокращения сельского населения всей зоны. Аналогичные, но не столь резко выраженные различия наблюдаются и на нижних этажах иерархии: в пригородах идет концентрация населения, а глубинка все более обезлюдевает.

Территориальные социальные различия проявляются и на самом нижнем уровне — между отдельными поселениями. Уже упоминавшаяся концентрация капиталовложений в центральных усадьбах хозяйств привела к аналогичным различиям между ними и мелкими «неперспективными» поселениями. В особенно тяжелом положении оказались населенные пункты, в которых проживают лишь старики

(поскольку все трудоспособные уехали). Стареющее население здесь нуждается все в большем объеме услуг «с доставкой на дом», в то время как условия их жизни ухудшаются: по мере уменьшения числа жителей в поселениях в них закрываются и те немногие учреждения обслуживания, которые были раньше (вначале — школа, затем клуб, почта, фельдшерский пункт и, наконец, магазин), поскольку село теряет производственное назначение, оно перестает интересовать местный колхоз, и дорога к нему более не поддерживается в проезжем состоянии и т.д.

Знают ли местные и центральные органы власти об условиях, в которых живут старики в малых поселениях? Местные, естественно, не могут не знать — они постоянно сталкиваются с этими проблемами, а центральные могут судить хотя бы по газетным публикациям, которые даже в «годы застоя» порой прорывались на страницы печати. Но заканчивалось это обычно очередным указанием председателю райисполкома, который-де «упустил из виду» положение в какой-то деревне. При этом старались не упоминать, сколько аналогичных деревень в этом районе и какими средствами располагает райисполком, ведь тогда бы всем стала очевидна демагогичность такой критики. Может ли местный Совет обеспечить регулярный завоз в каждую деревню хотя бы хлеба, посещение населения врачом или медсестрой? При отсутствии нормальных дорог до большинства малых деревень, нехватке машин и бензина даже для обслуживания крупных сел и хронической неукомплектованности штатов больниц такие вопросы звучат риторически...

До наших управленцев все никак не дойдет, что деревня — это не только производитель сельхозпродукции, но и место жительства людей, о которых надо заботиться не меньше, чем о горожанах. И заботиться не потому, что это необходимо для успешного развития сельского хозяйства, не оттого, что иначе горожанам нечего будет есть, а потому, что здесь живут такие же люди, перед которыми наше государство в большом долгу.

Такое отношение к старикам, помимо того что оно красноречиво характеризует падение нравов в нашем обществе, оказывает разлагающее воздействие на молодежь, показывая, в каких условиях живут люди, всю жизнь честно проработавшие, и подталкивая к выводу о бессмысленности такого труда. И уж тем более это не способствует «закреплению молодежи на селе».

Демографические проблемы Нечерноземья обостряются диспропорциями в соотношении мужчин и женщин в брачных возрастах. После окончания школы девушки гораздо активнее переселяются в города, чем юноши, для которых пока еще престижна профессия механизатора, тогда как традиционно женская отрасль — животноводство с низким уровнем механизации и тяжелым физическим трудом — остается малопривлекательной для женщин. В целом по Не-

черноземью в возрастах 16—29 лет на 100 мужчин приходится 75 женщин, причем хуже всего положение в сельской глубинке.

Нельзя сказать, что все перечисленные проблемы Нечерноземья оставались неизвестными и что ничего не делалось для их решения. В 1974, 1981 и 1985 гг. принимались постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по развитию сельского хозяйства зоны. Были резко увеличены капиталовложения, расширены объемы строительства. Но ожидаемые результаты получены не были, никакого перелома в развитии сельского хозяйства и демографической ситуации не произошло. В чем же причины этого?

Первое, что бросается в глаза, — ошибки в структуре капиталовложений. В 1974 г. было объявлено, что «основным звеном долговременной программы» развития Нечерноземья является мелиорация земель, на что и была направлена большая часть капиталовложений. Предполагалось, что мелиорация приведет к повышению плодородия земель, а также решит наконец проблему «мелкоконтурности» — объединит сельхозугодья в крупные массивы. Сейчас даже трудно себе представить, как могла быть поставлена такая цель: ведь речь шла, по существу, об изменении природных условий огромной территории, превращении ее в подобие степной зоны (плодородные почвы, крупные массивы земель) вместо того, чтобы приспособиться к природе, наилучшим образом использовать уже имеющиеся условия.

Естественно, что даже очень больших капиталовложений было недостаточно, чтобы коренным образом изменить условия сельскохозяйственной деятельности. К тому же мелиорация проводилась часто некачественно, большая часть земель вскоре выбывала из оборота, [37% всех земель, осушенных за 1971—1986 гг., пошло не на прирост их площади, а на возмещение выбытия], далеко не всегда она проводилась там, где нужно хозяйствам, и т.д. Подавляющая часть средств затрачивалась на водные мелиорации, в то время как гораздо более эффективными были «сухие» — удаление камней, выравнивание полей, очистка их от кустарника, улучшение сенокосов и др. Но последние были менее выгодны Минводхозу (поскольку его работа, как и у всех строителей, оценивались прежде всего по объему «освоенных», т.е. затраченных, средств). В результате количество заброшенных сельхозугодий и сенокосов, особенно вблизи исчезнувших деревень и «поселков пенсионеров», было гораздо больше, чем вновь освоенных.

Выбор мелиорации в качестве главного звена не учитывал, что главная проблема сельского хозяйства зоны — не нехватка хороших земель, а нехватка рабочей силы, для привлечения которой нужна была совершенно другая структура капиталовложений. В 70-е годы более 80% вложений в сельское хозяйство зоны шло на производственные нужды; лишь с начала 80-х годов доля непроизводственного

строительства стала расти, но время было уже в значительной степени упущено: во многих местах «удерживать» в селе стало уже некого.

Но основной причиной неэффективности попыток решения проблем Нечерноземья «сверху» являлась слабая заинтересованность самого населения в эффективном использовании выделяемых средств. И это понятно — ведь все решения о выделении средств, о направлениях их расходования и т.д. принимались без участия населения. По словам Ивана Васильева, «сельский мир оставался... в позиции наблюдателя и выжидателя, он не участвовал в решении, где, что и как делать, и это неучастие гарантировалось сдельной оплатой труда. Мир не могли волновать «вложения без отдачи», ибо он от этого прямо не страдал».

В какой степени учтены сейчас уроки прошлого и каковы перспективы решения проблем Нечерноземья? Кое-что, конечно, уже исправлено. Госгражданстрой отказался от деления сельских населенных пунктов на «перспективные» и «неперспективные», и в небольшой части последних даже началось новое строительство (правда, в большинстве остальных ситуация практически не изменилась). Немного уменьшились капиталовложения в мелиорацию, с 1988 г. резко увеличилось строительство дорог (с чего и надо было начинать всю работу!), планируется проведение сплошной газификации сел. Возрастают темпы строительства жилья, учреждений обслуживания; немного сократился миграционный отток из села.

В ряде областей делаются попытки изменить «центростремительные» тенденции в размещении населения. Например, в Московской области с середины 80-х годов начался процесс возрождения «производственных центров» — бывших «неперспективных» деревень: реконструкция производственных помещений, строительство домов усадебного типа и «малого соцкультбыта» (мини-школ, магазинчиков, клубов, медпунктов и т.д.). Но стоит это довольно дорого и рассчитано в значительной части на приезжих (что практически нереально в других областях), поэтому этот опыт вряд ли может быть перенесен без изменений в другие районы Нечерноземья.

Но все перечисленные выше мероприятия — это действия в рамках административно-командной системы. Конечно, повернувшись «лицом к деревне», она может способствовать улучшению ситуации. Но пока это остается в рамках «социальной благотворительности», а наиболее глубокие корни современных проблем (отчуждение труда и т.д.) остаются незатронутыми.

Коренных изменений в положении сельского населения и не может произойти при сохранении административно-командной системы управления. Сейчас она лишь в немногих местах ослаблена, а в основном сохраняет силу. Более того, происходит порой и ее усиление — например, создание нового органа управления — Госагропрома Нечерноземной зоны РСФСР, подчиненного фактически Совмину

РСФСР, а не Госагропрому РСФСР. Естественно, новый орган начал с увеличения числа запрашиваемых справок и отчетов, с рассылки циркуляров.

Принципиально иную ситуацию может создать переход к новым производственным отношениям в сельском хозяйстве — с опорой на фермерство, кооператоров, аренду земли на длительный срок и т.д. Лишь в таком случае могут возникнуть условия для возрождения чувства хозяина земли. Но для этого новые производственные единицы должны быть действительно самостоятельны, а не действовать в рамках несамостоятельных колхозов и совхозов («Ребенок, рожденный крепостной матерью, не может быть свободным», — говорит об этом Иван Васильев).

Чем более мозаичен ландшафт, тем более самостоятельны должны быть производственные единицы — без этого невозможно рационально использовать все многообразие природных условий. Тогда окажется возможным и возрождение заброшенных деревень, и использование окружающих их угодий. Речь не идет о полном воссоздании существовавшей раньше системы поселений — для этого уже недостаточно населения,— но сами поселения могут частично возродиться и при гораздо меньшем, чем ранее, числе жителей. Но для этого, конечно, необходимо строительство дорог, создание соответствующей техники для фермеров, организация их обслуживания (с помощью передвижных средств) и т.д.

И главное — необходимы такие экономические и политические условия, при которых сельское население ощущало бы себя действительным хозяином своей земли. Этого, конечно, не достигнуть быстро; значительная часть населения, видимо, уже «потеряна» для возрождения чувства хозяина; и надо создать условия для увеличения числа тех, в ком это чувство еще сохранилось и способно к развитию. А это невозможно без преобразования совокупности общественных отношений. Таким образом, перспективы Нечерноземья жестко связаны с изменениями в общественной жизни.

В.Владимиров

Самые чистые города?

Городское развитие как процесс формирования среды обитания большей части населения страны, градостроительство как теория и практика возведения городов находятся сегодня в кризисной ситуации. Сейчас мы говорим о годах застоя в развитии нашего общества. В градостроительстве застоя не было — крупные города росли лавинообразно, а сельские населенные пункты и малые города стремительно деградировали.

Уже почти шесть десятилетий идет бурное развитие негативных тенденций во всех городских сферах — социальной, экономической, экологической, эстетической. И это надо признать, если мы не хотим уподобиться страусу, прячущему в песок голову.

Образ города у многих ассоциируется не только с его архитектурой, но и с городской средой в целом — комфортностью проживания, удобным транспортом, просторными и полными товаров магазинами, разнообразием театральной, музейной, спортивной жизни, уютными кафе, зеленым нарядом улиц, неоновыми всполохами реклам и, конечно же, чистотой улиц, водоемов, воздуха. Чистый город — это прежде всего город без мусора и смогов, город, в акватории которого можно купаться и ловить рыбу. Научно-техническая революция поставила в городах вопрос и об опасности иных, нетрадиционных «загрязнений», так же как и вредных химических веществ, влияющих на физическое и психическое состояние горожан. Это относится в первую очередь к шуму, электромагнитным излучениям, вибрации, гравитации.

Но разве застройка городов безликими, утомительно одинаковыми домами, кич — архитектура палаток, киосков и ларьков не «загрязняет» города? Не подавляет человека? Не делает его безразличным к среде обитания? А транспортная усталость? А примитивное, унижающее достоинство человека обслуживание? А негативные явления, связанные с размещением в городах случайных «непрофильных» промышленных и иных объектов — спутников экстенсивного экономического и социального развития, — разве их нельзя считать особыми видами «загрязнений»? Несвойственными

раз убеждала нас в малой эффективности такого пути. Обратимся, например, к Комплексной жилищной программе города.

Жилье является одной из острейших проблем для города и больным вопросом для москвичей, поскольку существует значительный его дефицит. О масштабах дефицита жилья говорит тот факт, что определяемые Моссоветом ограничения постановки на учет для улучшения жилищных условий — не более 5 м^2 на человека — в столице крайне жесткие, даже более жесткие, чем во многих других городах, где ставят на очередь жителей, у которых приходится менее 7м^2 жилой площади на человека. В очереди на улучшение жилищных условий в Москве стоит огромное число жителей — почти 2,5 миллиона человек, из них более миллиона человек до сих пор живут в коммуналках. Сроки получения новой квартиры растягиваются на десятилетия. Ведь это своего рода жилищный кризис, когда почти треть горожан живет в условиях, не соответствующих установленным жилищным нормам.

Для того чтобы выполнить поставленную задачу «каждой семье — отдельную квартиру», необходимо увеличить, как утверждается, жилой фонд столицы более чем на 50 млн. м^2. Однако опять счет идет на обезличенные квадратные метры, хотя неоднократно уже доказывалось, что учитываться должны именно квартиры с различным количеством комнат в соответствии с существующей и прогнозируемой социально-демографической и семейной структурой населения города.

Несмотря на расширение строительства жилья, выполнение жилищной программы столицы сообразно выдвинутому лозунгу выглядит весьма проблематичным. Ведь строится квартир меньше, чем создается семей. В 1986 г. в Москве заключено браков 89,9 тысячи, а введено в действие лишь 53,5 тысячи квартир. Таким образом, цель, столь желанная для москвичей, отдаляется. Но надо учитывать и то, что значительное число семей распадается и бывшим супругам также требуется отдельное жилье.

При постановке на учет для получения жилья вообще не принимается в расчет факт образования новой семьи, что само по себе предопределяет потребность в отдельном жилье. Ведь большинство молодых хотят жить отдельно от родителей. А при распределении квартир, в том числе и по количеству комнат, не учитывается ни возраст семьи, ни перспективы ее роста.

При определении объемов жилищного строительства для выполнения программы «каждой семье — отдельную квартиру» совершенно игнорировалась категория совместно проживающих родственных семей. Они просто не принимались во внимание. Поэтому даже при условии выполнения данной программы по жилью значительное число молодых семей, живущих вместе с родителями в одной квартире, не получит возможность решить свой жилищный вопрос к 2000 году. Такое положение, кстати сказать, увеличивает риск распада семьи. Ведь, как известно, в трети семей причиной конфликтов между супругами, приводящих к разводу, является неудовлетворенность жильем.

Существующая система распределения жилья, надо заметить, вообще социально несправедлива, поскольку разные социальные слои населения обладают далеко не одинаковыми возможностями решения данного вопроса. Бюрократический аппарат, номенклатурные работники, лица, имеющие доступ к распределению жилья, пользуются возможностью поменять квартиру на лучшую, иметь государственную квартиру площадью значительно больше нормативной, в домах повышенной категории, прекрасно территориально расположенных. Рабочие получают квартиру, как правило, «по минимуму», к тому же в районах, наиболее удаленных от центра. Научные же работники, интеллигенция, служащие в массе своей вообще могут, лишь вступив в ЖСК, улучшить свои жилищные условия, да и то с трудом, поскольку строительство жилья, осуществляемое ведомствами, к которым они относятся, если и ведется, то в крайне ограниченном объеме.

Жилищная программа имеет и собственный территориальный аспект. Осуществляемая в настоящее время стратегия размещения жилищного строительства противоречива. Планы строительства жилья для москвичей, как утверждается, могут быть воплощены в жизнь лишь при условии дальнейшего расширения города за пределы МКАД, выхода на территорию ближнего Подмосковья («Московская правда», 10 июля 1988 г.). В то же время это утверждение не согласуется с тем, что в проекте Генплана развития столицы намечено прекратить количественный рост застроенных территорий Москвы и области («Московская правда», 28 сентября 1988 г.).

Не является секретом то, что в самом городе идет постоянная, ничем не оправданная передача жилого фонда центра города министерствам и ведомствам, где размещаются затем многочисленные учреждения и организации. Этот процесс, осуществляемый под возрожденным лозунгом борьбы за «образцовый коммунистический город», привел к тому, что в пределах Садового кольца количество жителей с начала 60-х годов уменьшилось с 900 тысяч почти до 200 тысяч человек. Намечаемая новым Генпланом города реконструкция центра, к сожалению, не меняет этой негативной тенденции. Жителей центра планируется по-прежнему переселять на окраины для того, чтобы государственные учреждения, расположенные здесь, могли «нормально функционировать». Этому же будет способствовать и намечаемое здесь строительство значительного числа гостиниц, которые планируется разместить в реконструируемых в настоящее время жилых домах.

Чиновники, зараженные неизлечимой болезнью разрушительства, от которой и так пострадала старая Москва, проявляют ее, к не-

	Человек	Доля в составе:	
		всех депутатов, избранных безальтернативно %	данной социально-профессиональной группы %
в том числе: Первые и вторые секретари ЦК компартий союзных республик, первые секретари обкомов, крайкомов, горкомов КПСС крупных городов	120	17,9	74,1
Высшие военноначальники	33	4,9	86,8
3. Средний эшелон управления	113	16,9	23,4
4. Нижний эшелон кправления	128	19,1	20,4
5. Рабочие, колхозники, служащие-неспециалисты	115	17,2	23,2
в том числе: Индустриальные рабочие	60	8,9	19,2
Колхозники	31	4,6	31,0
6. Работники высококвалифицированного умственного труда	31	46	140
7, Прочие	52	7,8	74,3
в том числе: Пенсионеры	39	5,8	90,7
Всего	670	700,0	29,8

Составлено и подсчитано по данным В.Е. Крылова, полученным из местной печати, и кн. Список народных депутатов СССР, М., 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(Д. Валентей, В. Мукомель)* 5

Раздел I. Точка зрения

Монолог о человеке и препонах экономического развития *(Д. Валентей)* 11
Над пропастью во лжи *(Б. Васильев)* 27
Я признаю себя виновным *(М. Гефтер)* 60
Ликвидация борделя *(Г. Ефремов)* 69
Что мы празднуем 8 Марта? *(Е. Токарева)* 80
Об экологии — и не только о ней *(Н. Реймерс)* 97
Церковь как явление тысячелетней историии культуры *(Архимандрит Платон)* 113
В новые мехи — новое вино *(Ю. Табак)* 128
Взгляд извне *(Н. Журавлева)* 140

Раздел II. Платим по счетам

Самоуправления: воспоминания о будущем *(Т. Говоренкова)* . . .173
Ликвидация класса *(В. Тихонов)* 185
Драма интеллигенции *(В. Хорос)* 197
В буднях великих строек *(В. Моисеенко, В. Мукомель)* 213
Язык «новой морали» *(В. Чаликова)* 230
Цена побед *(А. Кваша)* 241
Эмигранты *(Л. Почивалов)* 252

Раздел III. Бремя современных проблем

Жизнь и здоровье поколений *(М. Бедный)* 277
Этот горький запретный плод *(Ю. Поляков)* 293
Узы свободы *(Е. Токарева)* 303
Привилегированный класс *(В. Медков)* 317
Аборт — дамоклов меч над каждой семьей... *(А. Авдеев)* 337

Женский вопрос *(О.Воронина)* 351
Третий возраст *(И. Калинюк)* 374
Какая ноша у кормильца? *(А. Миловидов)* 386
Рабочие руки: дефицит или избыток? *(В. Костаков)* 397
...Минуя капитализм *(Р. Убайдуллаева)* 412
«Нечерноземный Чернобыль»? *(А. Алексеев)* 427
Самые чистые города? *(В. Владимиров)* 441
«Образцовый коммунистический город» *(В. Безденежных)* 453
Социальная защищенность: от иллюзий к реализму *(Е. Гонтмахер)* 469
Изгои общества *(В. Моисеев)* 483

Раздел IV. Наш общий дом

Мала ли земля для малых народов? *(В. Шаров)* 497
Затянувшийся исход крымских татар *(Т. Пулатов)* 512
Латвия: новые флаги *(Ю. Круминьш)* 521
Средняя Азия: бремя перемен *(В. Мукомель)* 535
В защиту традиций *(Ш. Кадыров)* 547

Раздел V. Услышать будущего зов...

Психология торможения *(Л. Гозман)* 567
Кто поразит монстра? *(В. Тихонов)* 587
Президент читает Бухарина *(Е. Иллеш)* 593
Реформа политической системы: куда она ведет? *(А. Мигранян)* 609
Что мы ждем от будущего? *(И. Бестужев-Лада)* 637
Выборы и власть: придем ли мы к демократическому парламенту? *(А. Назимова, В. Шейнис)* 652

СССР: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

На русском языке

Редактор русского текста *Прокопенко А.И.*
Художественный редактор *Егоров Ю.Н.*
Технические редакторы *Доронина Л.В., Юханова М.Г.*

И Б № 18068

Сдано в набор 31.05.89. Подписано в печать с РОМ 20.12.89. А 07267.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 4 ,5. Усл.кр.-отт. 4 ,5. Уч.изд.л. 4 7,73.
Тираж 28000 экз. Заказ № 0119 Цена 3р.30к. Изд № 46001.

Издание подготовлено на микроэвм с помощью программы "Вентура Паблишер"

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 "Искра революции" В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.